

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

ПОДПОЛЬЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.

Леонидъ Андреевъ.

Федоръ Сологубъ.

Левъ Шестовъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Михаилъ Платюховъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.

1911.

ПОДПОЛЪЕ.

АЛЕКСАНДРЪ ЗАКРЖЕВСКІЙ.

ПОДПОЛЬЕ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ.

Достоевскій.

Леонидъ Андреевъ.

Федоръ Сологубъ.

Левъ Шестовъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Михаилъ Пантюховъ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА „ИСКУССТВО И ПЕЧАТНОЕ ДѢЛО“.

1911.

КІЕВЪ.
Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская ул., домъ № 4.
1911.

Льву Исааковичу Шестову
посвящаю эту книгу

Авторъ.

„Все, что у добрыхъ зовется злымъ, должно соединиться, чтобъ родилась новая истина; о, братья мои, достаточно ли вы злы для этой истины? Отчаянное дерзновеніе, долгое недовѣріе, жестокое отрицаніе, пресыщеніе, надрѣзываніе жизни,—какъ рѣдко бываетъ это вмѣстѣ! Но изъ такого сѣмени рождается истина! (Нитцше—„Такъ говорилъ Заратустра“).

„Вѣрно только одно,—точно одно, одно несомнѣнно—это то, что все здѣшнее должно погибнуть“.

Константинъ Леонтьевъ.

I.

У Достоевскаго бывали мгновенья, когда вся душа уходила во внутрь и, обагрившись кровью и желчью, выливалась въ надрывающійся стонъ проклятья, или въ тихую, нѣжную музыку молитвы, или въ истерзанную мистерію садическаго оргіазма...

Такъ родилось произведеніе, которое можно назвать наиболѣе адекватнымъ выраженіемъ одной стороны его души, произведеніе, заключающее въ себѣ квинтэссенцію современности—„Записки изъ подполья“...

Книга, раскрывающая уму особую область духовныхъ терзаній, книга, запечатлѣнная въ вѣчности кровавою печатью безумнаго отчаянія, надорвавшагося страданья, книга, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ дѣлающая строжайшій смотръ моральнымъ и религіознымъ цѣнностямъ!..

И когда читаешь ее, рвутся традиціонныя нити „литературнаго вниманія“, и когда думаешь о ней и переживаешь ее,—чувствуешь невыразимый восторгъ сліянія съ огромнымъ, нечеловѣческимъ страданіемъ души, страданіемъ такимъ взвинченнымъ, такимъ понятнымъ, такимъ *нашимъ*, и сквозь даль прошедшихъ лѣтъ, сквозь тяжелый туманъ времени снова приближается къ тебѣ это безумно больное, дорогое лицо со сжатыми плотно губами, втиснутое въ черную маску преступника, и что-то живое, дымящееся, словно

кусокъ человѣческаго сердца, катится въ душу и горитъ, горитъ...

И трепеть радости!.. Вѣдь это не книга, вѣдь это не слова: здѣсь вылилась въ страшныхъ вопляхъ вся душа, здѣсь распиналъ и мучилъ, и насилывалъ душу разъяренный звѣрь—жизнь, здѣсь, въ желѣзныхъ объятіяхъ обмана она завывала дико и безнадежно, здѣсь боль—тупая, страшная, неизлечимая боль переросла весь міръ... *Подполье!*.. Сколько въ этомъ словѣ таится понятнаго, близкаго, современнаго!.. Чья душа не переживала муку подполья и радость его!.. Чья жизнь подъ тяжестью непосильнаго креста, подъ гнетомъ грызущаго, опьяняющаго надрыва не погружалась въ эти темные подвалы сѣрой тоски и нѣмой злобы, и безсвязныхъ, горячечныхъ проклятій?!

Подполье!.. Оно—въ насъ; оно вросло столько разъ въ нашу душу и спутывало ее липкою паутиною кошмарнаго одиночества и палящаго, безслезнаго рыданія! Случалось это тогда, когда среди мутной пошлости наше „я“ вдругъ переходило границы возможности, маленькой, земной возможности и неудержимо влеклось къ какому то безумному подвигу, къ какой то валелѣянной, сказочно прекрасной странѣ, къ какому то нездѣшнему, сверхчеловѣческому чуду! И путь преграждала стѣна... Случалось это, когда, словно нѣжно-прозрачный цвѣтокъ, расцвѣтала среди жизни душа, и кто то тягучій, безжалостный медленно пилъ нашу кровь, наши мысли, наши блѣдныя силы, и мелькали призраки, и свинцовая тѣнь безумія на фонѣ безжизненныхъ дней казалась спасеніемъ!.. Случалось это въ дни проклятыя, того проклятыя, что рождается, какъ окровавленная птица, и бьется, и рыдаетъ, и корчится, и разрывается, вылетая, сердце,—проклятыя міру и людямъ за то, что заморозили душу, за то, что погибла она въ самомъ расцвѣтѣ мольбы и надежды!..

И всегда, какъ спасительный якорь, является подполье... Оно собираетъ въ нѣдрахъ своихъ остатки бывшихъ надеждъ, блѣдные звуки молитвъ и вдохновеній, усталыя силы возможныхъ побѣдъ, геніальныхъ прозрѣній...

Въ него сходить, какъ въ единственно возможный пріютъ, все отброшенное и замученное жизнью, все усталое и погибшее, все необычное и изломанное, все надорвавшееся и истерзанное, все святое и рафинированное... Здѣсь скрываются тихія души, обиженные судьбою, слишкомъ ранніе пророки, безумцы, лелѣющіе въ мысляхъ какую нибудь очень смѣлую и очень необычную мечту, вѣчные странники и неудовлетворенные искатели истины, для которыхъ уже погасло солнце и чернымъ, зловѣщимъ пламенемъ вспыхнула родная и понятная тьма.

Это кладбище стараго міра, міра подгниваго и валящагося, но который будетъ стоять еще много вѣковъ, и мертвецы живые, и въ глухую полночь, когда потухаетъ надобѣвшее солнце и спятъ ненавистные люди, они поднимаются въ своихъ кельяхъ и свершаютъ свое таинство, мрачное и жестокое, таинство жуткой, тупой боли и кровавыхъ слезъ, и проклятій!

Они выворачиваютъ наизнанку свою замученную душу, они раздираютъ ее, разрываютъ на куски, чешутъ ея гноящіяся струпья, и въ дикой пляскѣ безумія, въ вихрѣ изступленныхъ рыданій, въ надрывѣ пьянаго бреда, вырастаетъ и горитъ большимъ пламенемъ непонятная, лихорадочная радость!..

Мы знаемъ, какъ тонка, какъ сложна и обидчива была душа Достоевскаго. Мы знаемъ, что ни одна обида, ни одно рѣзкое и колкое слово не пропадало въ его памяти, и всегда кончалась обида местию, робкой, блѣдной, чахоточной местию, какъ будто извиняющейся, какъ будто непохожею на мечь. Вспомните исторію съ Бѣлинскимъ, которую Достоевскій не

забылъ до самой смерти, вспомните глухую, неизлечимую, ехидную ненависть къ Тургеневу и, наконецъ, инцидентъ съ офицеромъ въ „Запискахъ изъ подполья“.

Какъ несчастная, забитая мышь, погрузилась душа въ подполье, и все припоминала, все, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, съ наслажденіемъ, съ болью вспоминала, и мучилась, и наслаждалась этими воспоминаніями, и маленькая обида превратилась въ этой мимозной душѣ въ неизлѣчимую, вѣчно гноящуюся рану, во что то огромное, невыносимое, заслонившее собою весь міръ и всю жизнь!

„Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, — вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей“...

И вотъ въ этомъ то процессѣ самоуниженія вспыхнула впервые та яркая мысль, что впоследствии составитъ краеугольный камень творчества Достоевскаго, та мысль, изъ которой родилось все великое и удивительное въ его произведеніяхъ, мысль, свѣтящая міру какъ спасительный факелъ. Онъ самъ подчеркиваетъ эту мысль. Онъ говоритъ: „Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ навѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до

того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанию, что чуть-чуть ограниченные люди съ крѣпкими нервами не поймутъ въ немъ ни единой черты“... .

Радость подполья!.. Радость униженія и самоубійства надоѣвшей души, радость сладкаго терзанія и надрывовъ нечеловѣческой боли, радость ежедневнаго, ежеминутнаго самораспинанія во имя единой, искупляющей Тьмы!..

Да, не всякому понятна она! Только глубоко замученные и безнадежно усталые понимаютъ ее, только въ улыбкахъ эпилептическаго надрыва, въ страстномъ экстазѣ мученья, въ бреду слезъ и кроваваго изступленья является она, и блѣдною тѣнью ложится на истлѣвающее отъ тоски лицо и приноситъ сквозь вихрь боли чуть внятный шепотъ утѣшенія... .

И какъ разсказать всю тайну и всю тяжкую красоту подполья? И хватить ли силъ открывать новую, еще не загаженную людскою пошлостью область спасительныхъ сновъ, обморочныхъ, тусклыхъ и больныхъ сновъ нашей жизни!?

Съ дѣтства мучилъ душу Достоевскаго хищный и жаркій звѣрь, называемый жизнь! Съ дѣтства запускалъ острые когти тяжелыхъ лапъ въ чистоту и святость нѣжную, выпивалъ кровь, наваливался по почамъ на грудь и душилъ безпощадно... .

Тяжелую атмосферу творило прозябаніе семьи бѣднаго лѣкаря въ сѣромъ затхломъ домѣ... . Приходили и уходили ненужные дни, какъ призраки, въ низенькихъ комнатахъ духота сгущалась, черныя змѣи сумерекъ тяжелѣли въ мозгу, и было темно, какъ въ гробу, и обѣденный, тошнѣй запахъ, и мерцаніе тусклыхъ, вонючихъ лампъ, и надтреснутая нужда гнали вонъ изъ этой повседневной тюрьмы, и расплескивались бѣлыя крылья души на грязномъ полу и замирали въ безсиліи... .

И были привычно обманчивы землистыя маски лицъ, и, изнемогая отъ ужаса, люди казались мертвецами, и когда

рвалась, умоляла, билась душа,—читали евангеліе и исторію Карамзина, и желчный голосъ отца размѣренно и строго говорилъ о послушаніи, о долгѣ... А потомъ казарменная жизнь въ инженерномъ училищѣ, и вѣчная голодовка, вѣчное издѣвательство казенщины и режима надъ дѣтской душой, и первыя замученныя, блѣдныя грезы, и первыя бессонныя ночи, проводимыя, быть можетъ, въ изступленномъ воплѣ объ истинѣ, и первые припадки эпилепсіи...

И надо всѣмъ этимъ—давящій ужасъ петербургскихъ сѣрыхъ, мокрыхъ, безнадежно тусклыхъ дней...

И, какъ крылья вампира, распятыя надъ этой жизнью,—зловѣще черная, пьяная мукой почъ—Россія...

„Бѣдные люди“... Откуда это? Развѣ это не первая мелодія тошной, но такой выстраданной, такой больной тоски, той тоски, что родилась въ низенькихъ комнатахъ, пропитанныхъ вонью жизни, полныхъ невидимыхъ слезъ, горя и нужды?

Развѣ это не первый вопросъ, полный мучительнаго надрыва, вопросъ о безцѣльности и ненужности всей этой мрачной и грозной тюрьмы?

Здѣсь растутъ первыя черныя цвѣты опьяненія болью, но еще впереди ужасъ ея...

Смертный приговоръ и каторга... Но развѣ не довольно и прежняго? Развѣ можетъ вынести человѣкъ двойную муку, когда одинъ домикъ съ низкими комнатами, исторіей Карамзина и гнетомъ обыденщины, можетъ высосать всѣ силы, всю кровь! И какая же душа отважится принять второй крестъ и не только донести его до конца, но еще найти въ немъ свое спасеніе!?

Изъ одной каторги, каторги жуткой и склизкой—жизни, въ другую—настоящую каторгу, изъ одного ада—въ другой, изъ одной безнадежности—въ другую!..

Не одну тысячу ночей—бессонныхъ, страшныхъ ночей провелъ Достоевскій въ этой другой каторгѣ, и только эти

стѣны, и только эти люди, которыхъ онъ называлъ цвѣтомъ и надеждой Россіи (!), знали и видѣли то, что вынесъ и пережилъ онъ!.. И въ собственной боли, черной, ужасной боли, почувствовалъ міровую боль, и приблизилось безобразное лицо обмана, и открылась тайна! Здѣсь узналъ цѣну этой боли и пряталъ ее, но люди, но міръ, но сѣрость Петербургскихъ дней съ постоянными призраками безумія, но тѣ обиды, тѣ уколы, то зло, что испытала душа,—все это вошло въ кровь и страшнымъ ударомъ грянуло въ мозгъ, и въ кровавомъ пожарѣ ненависти и проклятѣя вспыхнуло подполье!

Сложная его душа любила странныя идеи и замыслы, на созданіе которыхъ уходило столько силъ и таланта. Эти жуткія и злыя идеи сквозятъ всюду—и въ мечтахъ подростка Долгорукова, и въ чахоточномъ бреде Ипполита, и въ сладострастныхъ изгибахъ души Свидригайлова...

Это мечты о проклятїи и разрушенїи міра, о мести за свою тоску и за боль свою, о царствѣ единственного „я“ и главное, о защитѣ отъ жизни, отъ того ужаснаго, невыносимо палящаго и постыднаго, что—въ ней!

Но гдѣ же возможно это непрїятїе и это великое разрушенїе? Гдѣ возможно укрыться отъ людской пошлости, отъ *человѣческаго*, чтобы создать царство сверхъ человѣческаго утвержденїя? И куда уйти, чтобы воздвигнуть мечту свою такъ, чтобы ея не коснулась грязь человѣческихъ рукъ?

И въ одинъ вечеръ угрюмый, ненастный, когда падаль мокрый, жуткій снѣгъ и умирала душа,—родилось спасенїе, и въ мутной усталости сумерекъ зачернѣла сладкая и тревожно злая мысль.

Нужно уйти изъ жизни, нужно бѣжать изъ этого ада, насыщеннаго горечью человѣческихъ слезъ и крови, бѣжать туда, въ мрачные подвалы души, манящіе неизвѣданной тайной, и тамъ—въ блаженствѣ одиночества, въ пьяномъ чаду

страданья, разрушать эту жизнь и созидать храмъ своего царства и своей воли!..

Да, только въ этомъ—спасеніе, только въ этомъ исходъ!

Ибо вотъ уже разрушается душа отъ надрыва и подгниваютъ корни жизни, ибо вотъ растутъ жуткіе замыслы о возможности всемірнаго разрушенія..

И тогда отверзлась предъ нимъ тяжелая дверь подполья, и хлынулъ оттуда затхлый мракъ, и гробовое молчаніе, и черная, манящая, зловѣщая жуть..

И въ 1846 году, задолго до Нитцше, началась среди странной музыки петербургскихъ тумановъ та великая переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, то великое разрушеніе и проклятье, жалкія тѣни котораго подбираемъ нынѣ мы и называемъ своими открытіями!..

И какая страсть въ этихъ словахъ, огненныхъ и безумныхъ, и какая дьявольская насмѣлка, и какая властная, разрушающая сила!

Больная, изломанная душа, душа рыдающая и отчаянно измученная сквозить въ нихъ и опьяняетъ, и заставляетъ любить эти слова, эти „записки“ странною, тревожною любовью, потому что въ нихъ—корни нашего отчаянья, нашихъ терзаній, нашей красоты!

Сѣрые, тусклые люди кропотливо строятъ хрустальные дворцы соціальной сытости и соціальнаго рабства, и раскинули липкія сѣти своей безличности, хотятъ опутать ими весь этотъ міръ.. И какъ груба, какъ дика ихъ наглость, которую всѣ называютъ „спасительной теоріей“!

Но я,—говоритъ Достоевскій,—плюю на вашъ соціальный курятникъ, въ которомъ по табличкамъ и штифтикамъ будетъ распределѣна вся сложность чувствъ и переживаній индивидуальности! Мнѣ ненавистно и противно ваше самоуниженіе и самоограничиваніе, вашъ хамскій деспотизмъ,

принуждающій меня думать и дѣйствовать, какъ будетъ угодно вамъ, а не мнѣ!

„Свое собственное, вольное и свободное хотѣніе, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшедствія,—вотъ это то все и есть та самая пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту!

„И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого то нормальнаго, какого то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно выгоднаго хотѣнія? Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнія, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела!“ („Записки изъ подполья“). Сколько глубины въ этихъ словахъ! И каждое изъ нихъ—цѣлая система, цѣлая философія, цѣлое міровоззрѣніе въ миниатюрѣ. Здѣсь заложены корни той индивидуалистической теоріи, на которой воздвигнуло „декадентство“ свой хрупкій и прозрачный храмъ, и, что важнѣе всего,—здѣсь колыбель философіи Нитцше, фактъ, съ которымъ будущіе историки литературы несомнѣнно будутъ считаться.

Итакъ, мое „я“ и моя воля выше всего и цѣннѣе всего. А если такъ,—пусть гаснетъ и разрушается міръ, унижающій и обезличивающій это мое „я“! *А можетъ быть міра больше нѣтъ!* О, радостная, сладко блаженная мысль! Только въ подпольѣ возможно твое величіе и твой глубокій смыслъ! Только оно одно даетъ мнѣ возможность разрушать и строить по своему капризу міры!

И это разрушеніе люблю не только я, къ счастью, его любятъ и другіе люди,—вотъ, въ чемъ таится сомнѣніе на

счетъ прочности социальныхъ курятниковъ, вотъ, въ чемъ моя радость, которою упиваюсь безмѣрно и страстно!

„Я нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой нибудь джентльменъ, съ неблагородной, или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физиогноміей, упретъ руки въ бока и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариемы отправились къ чорту и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить!“ („Записки изъ подполья“).

А что это произойдетъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: *„вѣдь человѣкъ до страсти любитъ разрушеніе и хаосъ“* („Зап. изъ подп.“) и всюду вносить его, во всѣ курятники и социальныя западни! Онъ „проклятье пустить по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужъ его привиллегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятьемъ достигнетъ своего, то есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепіанная клавиша. Если вы скажете, что и это все можно рассчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятье, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго расчета все остановить и разсудокъ возьметъ свое,— такъ человѣкъ нарочно сумашедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобы не имѣть разсудка и настоять на своемъ!“ („Зап. изъ подп.“). Этотъ дьявольскій смѣхъ разрушенія все ширится, все больше и больше овладѣваетъ умомъ, и отравя его желанна, и хорошо пить безъ конца этотъ жуткій и мучительный ядъ!

Міръ проклять, осмѣянь, оплеванъ, міра больше нѣтъ... И только одна душа расцвѣла здѣсь болѣзненно странно, но развѣ можетъ, развѣ способна она жить? Развѣ возможна

жизнь и осмысленность послѣ *такого* отчаянья? послѣ *такой* боли?

И зачѣмъ жить? Цѣли въ жизни не видитъ душа, потому что всякая цѣль—точка замерзанія, потому что во всякомъ достиженіи цѣли гаснетъ самая жизнь... „Вѣдь человѣкъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать!“ („Зап. изъ подполья“).

Слѣдовательно, остается только одна каменная стѣна: законы природы, ариѳметика, категорическій императивъ... Но въ томъ то и вся суть подполья, что со всѣмъ этимъ оно не можетъ согласиться, что оно будетъ терзаться мыслью о каменной стѣнѣ, будетъ упиваться своею безнадежностью, будетъ блаженно хихикать и сладострастничать, но съ фактомъ ни за какую цѣну не примирится! „То ли дѣло не примирится ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться, дойти путемъ самыхъ неизбежныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной то стѣнѣ какъ будто чѣмъ то самъ виновать, хотя опять таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно, скрежеща зубами, замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться тебѣ выходитъ не на кого, что предмета не находится и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда — неизвѣстно что и неизвѣстно кто. Но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ встаки болитъ, и чѣмъ больше неизвѣстно,—тѣмъ больше болитъ!“ („Зап. изъ подп.“).

Что же дальше? Какой смыслъ въ этомъ рабскомъ мученіи, гдѣ выходъ изъ этого заколдованнаго круга?

Міръ не отвѣтитъ: міра больше нѣтъ. Но за то отвѣчасть подполье, отвѣчасть кровью истекающее сердце. Можетъ быть въ этомъ то процессъ мученья, въ этихъ тер-

заніяхъ безпочвенности и таится радость, наслажденье, счастье?

„Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любить страданье? Можетъ быть, страданье то ему ровно настолько же выгодно, какъ благоденствіе. А человѣкъ иногда ужасно любить страданье, до страсти, и это фактъ... Въ хрустальномъ дворцѣ оно и немислимо: страданье есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усомниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданья, то есть отъ разрушенія никогда не откажется. *Страданье—да вѣдь это единственная причина сознанія!* („Зап. изъ подп.“).

Значить, остается любить свою боль и въ этомъ видѣть смыслъ жизни. Вотъ, гдѣ родилось самое странное, самое великое и самое святое въ Достоевскомъ! Вотъ гдѣ, —въ мрачномъ, холодномъ, ужасномъ подпольѣ, возникло то очарованіе, тотъ свѣтъ, что роднитъ Достоевскаго съ вѣчностью! Это исходъ трудный, непосильный, тяжкій, *инквизи-торскій исходъ*, но въ немъ вспыхнула послѣдняя искра надежды и безуміе души—сладостное, тихое безуміе раздуетъ искру въ цѣлый пожаръ, залитый кровью и слезами, и въ этомъ огнѣ сгоритъ весь міръ—причина сознанія, и отъ одной мысли, что онъ сгоритъ, нужно принять его и полюбить...! Здѣсь—ферментъ будущихъ геніальныхъ твореній, будущей религіи и цѣлой философской системы. Здѣсь возникаетъ мосьть къ христіанству, и въ глубокомъ колодцѣ сознанія уже зрѣетъ тихій аккордъ—алмазно-свѣтлый, прозрачно-чистый—Соня Мармеладова, воплощенная радость муки, скорбящая царица страданья! Да, но все это потомъ, все это въ будущемъ. Теперь же падаетъ частыми хлопьями мокрый, черный снѣгъ, и завываетъ вѣтеръ, и бьется рыдающей грудью въ окна, и скользятъ чьи то угрожающія руки по стек-

ламъ, и стальной зондъ тоски гложетъ замученную душу...

А тамъ, въ мгlistой перспективѣ дней, какъ призракъ беспощадный, нарастаетъ что то огромное, страшное, отъ чего лопаются мозгъ и стынеть въ жилахъ кровь...

Хочется душиить собственное горло мокрыми отъ пота руками, хочется зарыдать такимъ рыданьемъ, отъ котораго бы умерла душа, хочется уничтожить собственное сознание, собственную мысль!

А потомъ еще хуже: начинается состояніе, похожее на зубную боль,—тоскливо безысходное, раздирающее нервы, раскаленными булавками терзающее нѣжность забвенья. Хочется кричать, но оборвались все силы, хочется жаловаться кому то, прижаться къ кому то, просить у кого то ласки, но міра больше нѣтъ... Хочется уничтожить, задушить свою душу, которая, какъ разбухшій ракъ, безжалостно и медлительно выпиваетъ кровь, но нѣтъ надежды, нѣтъ воли,—все потухло, все осмѣяно, отброшено, забито, замучено...

Прижаться къ холоднымъ стекламъ, глянуть въ влажную муть тоски...

Все похоронено... Тихо... Безмолвно... Грозные призраки жизни кошмарно бродятъ въ мозгу...

Молиться... Кричать... Но вѣдь никто не услышитъ...

Пусть же будетъ боль... Жалко искривлены губы... Тоска... Въ затуманенной дали тяжкими хлопьями падаетъ мокрый снѣгъ...

II.

Есть въ „Запискахъ изъ подполья“ отчаянный вопросъ, который, какъ красное зарево пылаеть въ умѣ и не гаснетъ, не гаснетъ, несмотря ни на какія сдѣлки съ совѣстью и съ сердцемъ, ни на какіе компромисы, ни на какое хитросплетенное надувательство. „Неужели же я,—спрашиваетъ Достоевскій,—для того только и устроень, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль?“.

Все творчество *Леонида Андреева* выливается въ этомъ одномъ вопросѣ. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ какъ пишетъ онъ и все объ одномъ и томъ же, все оставаясь подъ впечатлѣніемъ этой задачи, все варьируя и усложняя ее на тысячу ладовъ. Что онъ одурачень, что весь міръ его обманулъ и прихлопнулъ, что возможенъ одинъ только выходъ—стѣна—вотъ, что его мучаетъ, вотъ, что не даетъ покоя, вотъ, съ чѣмъ онъ примириться не можетъ. Каждая его книга—это вопль объ этой стѣнѣ, каждое его произведеніе—лишній разъ кровью подчеркнутый въ книгѣ жизни обманъ. Въ сущности, такому человѣку, какъ Л. Андреевъ не слѣдовало бы быть писателемъ: писатель вѣдь жрецъ искусства, а искусство существуетъ для того, чтобы всячески затушевывать, всячески замыливать и замазывать зіяющій передъ нами обманъ. Вотъ почему оно скучнѣйшее изъ всѣхъ ремеселъ въ жизни: оно безконечно, оно никогда не добьется своей цѣли,

никогда, даже при своемъ желаніи, оно не столкнетъ человѣка съ лицомъ обмана съ такою страшною силою, чтобы человѣкъ, вмѣсто обычно наступающаго послѣ этого умиленія, полетѣлъ со всего размаху вверхъ тормашками — въ пропасть. Потомучто и обмана то искусство не можетъ представить во всей его правдѣ, оно непременно такъ его изукрашиваетъ, такъ поддѣлываетъ, такъ видоизмѣняетъ, что, вмѣсто отвращенія, человѣкъ испытываетъ такъ называемое эстетическое чувство. Это вѣдь прямое назначеніе искусства.

Изъ этого слѣдуетъ, что искусство не въ состояніи воспроизвести обманъ. А если такъ, то незачѣмъ его воспроизводить, всякая попытка, да еще у человѣка съ талантомъ, должна потерпѣть фіаско. Леон. Андреевъ, любящій всякія отчаянныя мысли, — не подумалъ объ этомъ... Онъ изо всѣхъ силъ старается, чтобы изобразить ужасъ обмана, но искусство дѣлаетъ этотъ обманъ красивымъ, даже пріятнымъ на видъ. Его преспокойно наблюдаютъ, книги Андреева даже читаются послѣ хорошаго завтрака, въ видѣ десерта, круглыми и толстыми человѣчками, и ужасъ, изображенный Андреевымъ, можетъ быть даже способствуетъ ихъ пицеваренію.

Въ одномъ мѣстѣ Андреевъ говоритъ: „друзья, родные, мать и жена, въ видимомъ отчаяніи и слезахъ, провожаютъ на кладбище дорогого покойника и по истеченіи времени возвращаются обратно. Никто не закапывается вмѣстѣ съ мертвецомъ, никто не проситъ его потѣсниться и дать мѣсто возлѣ себя въ гробу, и если горестная жена восклицаетъ, обливаясь слезами: „о, закопайте меня вмѣстѣ съ нимъ!“ то этимъ символически она выражаетъ лишь крайнюю степень своего отчаянія! („Мои Записки“). Сказанное здѣсь о мертвецѣ можно примѣнить и къ произведеніямъ Андреева. И есть передъ чѣмъ ужаснуться: десять лѣтъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что вопить, надрывается, визжитъ, указывая людямъ на Обманъ — и ничего, книги читаются, какъ вообще

книги, люди живутъ преспокойно и преспокойно почитываютъ, цѣль искусства остается достигнутой... Можетъ быть, въ данномъ случаѣ, вмѣсто одного писанія книгъ (оплачиваемыхъ гонораромъ, конечно, да еще какимъ гонораромъ) нужно выдумать что-нибудь посильнѣе, порадикальнѣе, напр., какъ совѣтуеть Достоевскій, прибить посильнѣе кулакомъ стѣну или, что еще радикальнѣе,—самого себя высѣчь?.. Кто знаетъ, можетъ быть это вызвало бы эффектъ куда большій, нежели книги, написанныя кровью сердца. Но Андреевъ объ этомъ и слушать не хочетъ. Онъ пишетъ книги.

Будемъ же говорить, скрѣпя сердце, о книгахъ. Книги эти въ общемъ хорошія и нужныя, поучительныя книги, хотя попадаютъ среди нихъ и скучныя, и пенужныя, и даже совсѣмъ пошлыя. Будемъ говорить, конечно о первыхъ.

Какъ хищная птица, набрасывается Л. Андреевъ въ своихъ книгахъ на людей и старается заманить ихъ въ свои сѣти, липкія и манящія, сѣти слѣплого отчаянья, тьмы, ужаса и безумія, сѣти родного и отраднаго подполья. Не знаю, удастся ли это ему, но цѣль хорошая, и ради нея стоитъ говорить объ Андреевѣ.

Искать подполья, искать забвенья отъ отчаянья, искать одиночества и страданья,—искусство въ своихъ исканіяхъ никогда еще не находило такого вѣрнаго и прямого пути.

Л. Андреевъ любитъ не эти пути (онъ можетъ быть ихъ и боится), нѣтъ, онъ любитъ искусство, потому что оно дало ему возможность прославлять обманъ, а такъ какъ это красиво и даже поэтично, то отъ этого, кромѣ пользы и славы, будетъ Андрееву немного вреда. Красивость и звучные эффекты въ стилѣ Мейербергера любитъ Андреевъ,—можетъ быть, въ этомъ причина его популярности среди массъ, но по временамъ, среди всей этой красивости и Мейерберовщины,—вспыхиваютъ великія мысли, великія открывенія, глубокіе провалы—жуткіе и пьянящіе, въ которыхъ

сила, мощь, вдохновеніе. И хорошо читать Леон. Андреева въ этихъ провалахъ, читать книгу страданія и черной боли и пить отраву отчаянья безмѣрнаго! И сначала оно было безцѣльно—это отчаянье. Оно возникло въ разгарѣ жизни ярко и пышно, чтобы показать бездну глубокую и головокружительную, оно застывало безмѣрною болью на губахъ Іуды, Іуды—страдальца великаго и великаго безпочвенника, оно закигало безуміе въ глазахъ Вас. Фивейскаго и возводило Елеазара на вершины слѣпотоу и жестокаго одиночества—презрѣнія. Оно было всюду, гдѣ заложены основы міра, гдѣ живутъ люди, гдѣ корчится въ бесплодныхъ усиліяхъ человѣческая мысль... Отчаянье было средствомъ, можетъ быть, оно было еще источникомъ вдохновенія, источникомъ горькихъ и безсловесныхъ молитвъ, тѣхъ молитвъ, которыхъ слушаетъ только одно молчанье, можетъ быть оно жгло, замирало, точило, выворачивало жизнь... Все равно, можетъ быть этого ничего не было, но одно хорошо, одно радостно: оно разрушало жизнь—узкую, нормальную, будничную жизнь, оно разрушало міръ, оно богохульствовало, оно гасило румяное и скотски улыбающееся солнце!.. Все творчество отъ этого стало проказоу, проказоу души, отъ которой такъ хочется избавиться, которую такъ хочешь схоронить навѣки, унести куда нибудь въ такое затишье, гдѣ не слышно словъ, и прижать его къ своему сердцу, и уничтожиться въ немъ! Но пусть укажетъ блѣдное сознаніе душъ это отрадное мѣсто, гдѣ не слышно словъ, гдѣ душа могла бы создать вѣчный незыблемый храмъ! Раньше это было немислимо, раньше Андреевъ искалъ выхода изъ отчаянья, онъ не желалъ принять отчаянье для него самого и упиться имъ и замолкнуть, умереть въ отчаяніи. Раньше была слабая вѣра,—мерзкая, чахоточная вѣра—ненужная; ибо тамъ, гдѣ есть отчаянье,—вѣры быть не должно, это слишкомъ неприлично для отчаянья! Но когда появилась „Тьма“, когда

вышли „Мои Записки“, ясно стало, что выходъ есть, что спасеніе найдено, ясно стало, что создано нѣчто великое, почти геніальное, передъ чѣмъ распадается и тухнетъ всякое искусство, ясно стало, что сквозь стѣну прорублено отверстіе и начинается жизнь новая—таинственная, странная, больная, припадочная, похожая на слабое мерцаніе какого то слишкомъ утонченнаго, слишкомъ своеобразнаго чуда! Самъ Андреевъ не понялъ, что такое создала его мысль, самъ онъ не хотѣлъ понять, что то, чего такъ желала душа, о чемъ умоляла—исходъ и таинство спасенія,—уже здѣсь, уже найдено, уже создано, хотя и не понято. Постороннему же человѣку легче разбираться въ деталяхъ положенія, здѣсь виденъ огромный трудъ добыванія истины почти молотомъ, и истина найдена, истина добыта цѣною кропотливой работы мысли.

Что то великое построено и еще безобразной грудой шевелится въ мозгу. Приближается какое то великое облегченіе своего рода, нарастаетъ какое то небывалое творчество, и цѣпенѣешь, наблюдая, страшишься, робѣешь, но что то въ душѣ на самомъ днѣ говоритъ: „а можетъ быть это и есть желанная пристань“.

Разрушено все до основанія, и улыбается хаосъ. Все можно разрушить, но хаоса то уже ни въ коемъ случаѣ. Напротивъ, здѣсь мы видимъ, какъ изъ хаоса возникаетъ цѣлый храмъ.

Кто знаетъ, можетъ быть Андреевъ ради фокуса все это выдумалъ и создалъ... Можетъ быть, но бываютъ и геніальные фокусы, а со стороны во всякомъ случаѣ занятно смотрѣть и даже радостно.

Герой „Тьмы“ производитъ впечатлѣніе человѣка, котораго ошарашило вдругъ неожиданно самое главное, самое пропущенное въ жизни. Онъ шелъ по тому пути, по которому ходятъ тысячи нормальныхъ людей, по пути добра, и прохо-

диль бы всю жизнь свою по этому сѣрому и тоскливому пути, если бы вдругъ не предстало предъ нимъ само воплощенное страданіе. Проститутку толкаетъ Андреевъ навстрѣчу своему герою. Въ сей послѣдній увидѣлъ міръ, отраженный совершенно въ другомъ свѣтѣ, и стало ему страшно. И было сказано первое замѣчательное слово, въ которомъ слышится далекое, чуть слышное эхо подполья.

Проститутка сказала человѣку, „что онъ не смѣетъ быть хорошимъ, если она, если весь міръ погружены въ грязь!..“ Какъ много нужно было сказать, сколько словъ и какихъ словъ нужно было выдумать, сколько слезъ пролить, сколько крови и силъ потерять, чтобы доказать человѣку эту истину. Даже Достоевскій заставилъ Ивана Карамазова говорить цѣлый почти часъ, чтобы доказать ее идеалисту Алешѣ, а здѣсь она выразилась какъ нельзя болѣе ясно въ одной только фразѣ!

Здѣсь, повидимому, проститутка и есть подлинная, а не выдуманная, для которой страданье заслонило не только свѣтъ, но и весь міръ... Соня Мармеладова непремѣнно повела бы нашего героя къ свѣту, это ужъ такъ; но не кажется ли вамъ, что самый этотъ то свѣтъ въ данномъ случаѣ какъ будто умаляетъ страданье, какъ будто дѣлаетъ его легкимъ, сноснымъ, *но какое же это страданье, если оно легко да еще сносно!* Это можетъ быть и не страданье вовсе, а одна его видимость. Раскольниковъ можетъ быть потому и поцѣловалъ ногу Сони, что ему стало весело, что отъ страданья можно избавиться. А здѣсь не то! Здѣсь женщина не улыбается сквозь слезы, а кричитъ и дико хохочетъ, здѣсь видно, что страданіе это выпило всю ее до дна, такъ что, кромѣ дикаго хохота и безумія, ничего не осталось. Гдѣ же ужъ тутъ умиляться и разыгрывать комедію, для этого нужно быть немножко холодной!..

Здѣсь она говоритъ слова, которыя не такъ то легко сказать, не переживши ихъ, не проболѣвши ими:

— Ты мнѣ о людяхъ не говори!— строго сказала дѣвушка и губы ея задрожали.— Ты мнѣ лучше о людяхъ не говори— опять драться буду. Слышишь!

Вотъ это то и есть подлинное и великое страданье, здѣсь слова о людяхъ логически свидѣтельствуютъ о немъ. Ибо человѣкъ, пережившій истинное страданье,— теряетъ разсудокъ, теряетъ почву подъ ногами, теряетъ волю, теряетъ практическую заботу о своей выгодѣ, и только слова проклятья, только крикъ боли и ужаса способны исторгнуть оное изъ своихъ устъ!.. А мысль о свѣтѣ—вѣдь это есть хитрость, на которую не способенъ страдающій человѣкъ, вѣдь это и есть забота о своей собственной выгодѣ, которая какъ то подозрительно настраиваетъ читателя.

И гдѣ же эта зажигающая сила страданья, если она вылилась въ нѣчто такое жидкое, такое прозрачное, такое жалкое, какъ мысль о свѣтѣ! Значить, ея нѣтъ?

А здѣсь страданье, словно дикій звѣрь, набросилось на героя Андреева, словно ужалило его больно и мучительно. И тогда пошло все прахомъ, все очутилось гдѣ то совершенно вдали, совершенно въ сторонѣ—и житейскія дѣла, и своя выгода, и свое я. И что то заняло въ человѣкѣ, словно душу всю исцарапали, что то раскаленнымъ обручемъ сдавило мозгъ.

„Какъ будто все, что оное узналъ въ теченіе жизни, любилъ и передумалъ, разговоры съ товарищами, книги, опасная и завлекательная работа—безшумно сгорало, уничтожалось безслѣдно, но самъ оное отъ этого не разрушался, а какъ то страшно крѣпъ и твердѣлъ. Словно съ каждой вышитой рюмкой оное возвращался къ какому то первоначально своему—къ дѣду, къ прадѣду, къ тѣмъ стихійнымъ, первобытнымъ бунтарямъ, для которыхъ бунтъ былъ религіей и

религія—бунтомъ. Какъ линючая краска подъ горячей водой смывалась и блекла книжная мудрость, а на мѣсто ея вставало свое, собственное, дикое и темное, какъ голосъ самой черной земли. И дикимъ просторомъ, безграничностью дремучихъ лѣсовъ, безбрежностью полей вѣяло отъ этой послѣдней темной мудрости его; въ ней слышался смятенный крикъ колоколовъ, въ ней видѣлось кровавое зарево пожаровъ, и звонъ желѣзныхъ кандаловъ, и изступленная молитва, и сатанинскій хохотъ тысячъ исполинскихъ глотокъ, — и черный куполъ неба надъ непокрытой головой“. (Тьма).

И тогда нашелъ въ глубинѣ всего этого, въ страданьи, въ ужасѣ одну искупляющую и спасительную мысль, которая впиалась въ мозгъ и заняла сладко!

Тогда понялъ, что нужно принять тьму, ибо тьма только можетъ погасить тотъ сатанинскій пожаръ, въ которомъ гибнетъ весь міръ!

Еще уродливое, еще страшное и ужасающее лицо тьмы приблизилось и зацвѣтаетъ жуткими помыслами въ уставшей душѣ, тихо раскрывается за нимъ грозная дверь и оттуда медленно льется сырой мракъ и зябкая холодная отравка... И страшно. Робко подходишь, и по тѣлу пробѣгаетъ дрожь, встряхиваетъ, душитъ нѣмое изумленіе. Но уже выпита чаша жизни, выпита до дна, но уже жизнь разорвала душу на жалобно поющіе клочья, и куда то ушла вся сила, и не мертвые ли мы въ этотъ рѣшительный часъ, и не кажется ли намъ, что еслибы кто нибудь возвратилъ намъ снова жизнь,—мы бы обрекли его на вѣчное проклятіе!? Но мы изнемогаемъ отъ инквизиторской, неумолимой тоски, это она терзаетъ наше слабое сердце въ этотъ послѣдній часъ, это она отравляетъ наше умираніе кошмарнымъ чадомъ агоніи... Мы боимся умереть, потому что страшная мысль говоритъ намъ о томъ, что Тоска будетъ продолжаться и за смертью, что и тамъ грозитъ она намъ вѣчною мукой и вѣчнымъ об-

маномъ! Мы не хотимъ умереть, но—избавиться отъ обмана, избавиться отъ лжи и увидѣть правду, какова бы она ни была: даже самая отвратительная, самая страшная правда дороже для насъ, чѣмъ тоскливая и неумолимо безысходная ложь. Пусть эта правда закроетъ отъ насъ весь видимый міръ, пусть она дастъ намъ муку, даже отчаянье, для насъ важно, чтобы она не лицемѣрила, не изводила, не издѣвалась надъ нами, чтобы не было въ ея глазахъ зловѣщихъ искръ той безмолвной и глухой насмѣшки, которая превращаетъ для насъ всю эту землю въ кромѣшный адъ! Мы хотимъ повѣрить въ нее, только пусть наша вѣра созрѣетъ въ молчаніи, пусть никто не видитъ ее, пусть ни одно челоувѣческое существо не коснется ея, пусть она сохранитъ свою дѣтскую чистоту, пусть ненавистный свѣтъ не изгладитъ ея сложныхъ извивовъ, хранящихъ возможность обморочныхъ сновъ, блаженныхъ экстазовъ, чудесную возможность опьяненія болью, опьяненія до изступленнаго надрыва души!

Пусть наша истина ослѣпитъ весь міръ, пусть отъ ея вторженія въ нашу душу разрушится все, и наступитъ черное царство хаоса, тьмы, проклятія, безумія. И пусть наступитъ забвенье...

...„За всѣхъ слѣпыхъ отъ рожденія! Зрячіе! выколемъ себѣ глаза, ибо стыдно,—онъ стукнулъ кулакомъ по столику,—ибо стыдно зрячимъ смотрѣть на слѣпыхъ отъ рожденія. Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, такъ погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму. Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо—это уже не рай, дѣвицы, а просто на просто, свинство. Выпьемъ за то, дѣвицы, чтобы всѣ огни погасли. Пей, темнота!“ (Тьма).

Жизнь кончилась. Жизнь, освѣщенная солнцемъ, неуклюжая, мерзкая, ложная! Теперь наступаетъ жизнь, созданная по моей единой волѣ, по моему капризу, по моему отчаянью, теперь раскрывается мой міръ и гаснутъ воз-

возможности другихъ міровъ, мой черный, мой одинокій міръ!

„Мои Записки“ — вотъ истинная, геніальная апологія подполья, написанная съ инквизиторскою логичностью аргументовъ, утвержденная на незыблемомъ камнѣ вѣры, твердая и нерушимая, какъ изваянье! Я увѣренъ, что самъ Андреевъ не понялъ значенія этой вещи, а между тѣмъ она — лучшее изъ всего созданнаго имъ. Ее будутъ читать, ею будутъ упиваться, отъ нея станутъ вѣшать и стрѣляться, станутъ сходить съ ума и воскресать! Послѣ книгъ Шопенгауэра я не знаю ничего, чтобы съ такою математичностью — доказывало бы ужасъ и ненужность всей нашей жизни. Я не знаю книги, которая такъ поражала бы своею инквизиторскою холодностью, въ которой бы съ такою силою отразилась вся правда отчаянья и вся неизбежность подполья!

Въ ироническихъ примѣчаніяхъ разсѣяны алмазы, которые поражаютъ. И самъ герой „Записокъ“, — жаждавшій абсолютной правды и нашедшій ее только въ тюрьмѣ и вѣрный ей до такой степени, что самъ воздвигнулъ для себя тюрьму, когда его освободили, — одинъ этотъ фактъ оглушаетъ геніальностью замысла. А что герой дѣйствительно болѣлъ исканіемъ правды, доказываетъ хотя бы слѣдующее замѣчаніе объ искусствѣ: „То, что люди называютъ обычно „литературнымъ талантомъ“ и чѣмъ такъ наивно восхищаются, есть въ сущности не что иное, какъ неудержимая склонность къ вымыслу и лжи!“... Передъ нами постепенно развертывается мучительная картина умиранія человѣческой жизни въ четырехъ стѣнахъ заключенія. Передъ нами гаснетъ, разрушается міръ, и вмѣстѣ съ нимъ рушатся тѣ основы, на которыхъ построена извѣчная ложь о свободѣ, о Богѣ, о добрѣ и злѣ!.. Передъ нами возникаютъ страшные уколы безумія въ человѣческую душу, передъ нами она исходитъ кровью, а потомъ эта кровь медленно застываетъ, образуя одну сплошную маску забвеннаго отчаянья. Вся міро-

вая мука, вся тоска и надрывающійся стонъ челоуѣчества запечатлѣны въ этихъ спокойныхъ, холодныхъ словахъ, и возникаютъ пропасти, въ которыхъ исчезаетъ всякая мысль о спасеніи! Инквизиторскій рокъ такъ измучилъ душу челоуѣка, что онъ самъ сталъ своимъ палачомъ и тюремщикомъ, и полюбилъ отчаянье, полюбилъ безнадежность, полюбилъ холодный мракъ своего подполья. Въ одномъ примѣчаніи эта мысль принимаетъ зловѣщую форму: *„Между прочимъ, по моему совѣту была измѣнена форма кандаловъ въ нашей тюрьмѣ: вмѣсто прежнихъ колець, я ввелъ двойное полуовальное кольцо, представляющее собою въ чистомъ видѣ тотъ знакъ, который въ математикѣ символизируетъ безконечность ∞ ; впрочемъ, это изобрѣтеніе относится скорее къ области философскаго такъ сказать, щегольства, такъ какъ практически прежнія не умныя кольца съ успѣхомъ выполняли свое назначеніе“.*

Эта безконечность во всемъ и всюду особенно ужасаетъ героя „Записокъ“. Отъ самоубійства его оттолкнула мысль о продолженіи безконечности послѣ смерти. Безконечность лжи, безконечность обмана, тоски, страха—вотъ мука, которая заливаетъ чернымъ ужасомъ эти записки, и какъ она понята въ нихъ, какъ продумана, какъ пережита! *О томъ, что нѣтъ исхода, нужно говорить, нужно твердить безъ усталости, нужно добивать жалкій мозгъ челоуѣка этою мыслью до тѣхъ поръ, пока онъ не превратится въ прахъ, до тѣхъ поръ, пока безуміе или смерть не уничтожатъ самого понятія безконечности!* И авторъ записокъ повторяетъ эту мысль на каждой страницѣ съ какимъ то сладострастьемъ, онъ ею упивается, онъ живетъ ею, ему кажется, что она должна, она непременно должна оглушить, заживо умертвить челоуѣка, д о л ж н а, ибо зачѣмъ тогда всякія записки, изліянія, вздохи и переливанія изъ пустого въ порожнее, если челоуѣкъ останется живъ и въ немъ будетъ жить безконечность!

Наша тюрьма беспощадна и выхода въ ней нѣтъ— доказываетъ онъ съ какимъ то бѣшеннымъ спокойствіемъ, — ибо каждый выходъ сторожить стѣна! Наша тюрьма вѣчна, ибо самому Христу не удалось ее разрушить, не смотря на его божественную силу. Она преступна и гадка, потому что женщина, клянущаяся въ любви, низко и подло измѣняетъ, потому что братья и сестры увеличиваютъ одиночество человѣка, потому что нѣтъ въ ней ни одного человѣка, которому можно было бы повѣрить, открыть свою душу, слиться съ нимъ, полюбить его! Наша тюрьма подневольна, ибо царить въ ней властный и непобѣдимый Начальникъ, который держитъ въ своей рукѣ всю эту унижительную муку, всю эту грязную ложь, всю эту бессмыслицу, и настолько жестокъ, что не хочетъ, не смотря на кровавую мольбу міра, — разрушить все это и обратить въ прахъ! И нѣтъ правды въ нашей тюрьмѣ и можетъ быть потому ея нѣтъ, что мы ее такъ страстно, такъ жадно ищемъ, такъ болѣемъ и мучимся этимъ бесплоднымъ исканіемъ!..

И нѣтъ смерти въ нашей тюрьмѣ, такъ какъ всякая смерть будетъ обманомъ, ибо нѣтъ въ мірѣ такой силы, которая могла бы навсегда уничтожить то кровавое и ужасное, что зовется жизнь...

„...При закатѣ солнца наша тюрьма прекрасна!“

Вотъ мысли, которыхъ касается печать таланта Андреева и превращаетъ въ комки засохшей крови... Вотъ та истина, которая, какъ острый ножъ гильотины, впиалась въ жизнь героя „Записокъ“ и срѣзала ее... Но хотя усталое, хотя уже умирающее сердце кроваво, но выхода оно ищетъ страстно, оно его требуетъ.

Среди жизни, въ той тюрьмѣ, что уже пережита и разрушена страданьемъ, каждый исходъ долженъ быть яснымъ, здоровымъ, нормальнымъ, но мучительно грубымъ, но болѣзненно логичнымъ, но отвратительно раціональнымъ.

Людское стадо любитъ спасать себя грубыми лекарствами коноваловъ, здѣсь же, на вершинахъ отчаянья, когда вся душа превратилась въ утонченную музыку, когда все здоровое, все жизненное, все человѣческое отвергнуто, какъ унижительный обманъ, здѣсь нужно искать исхода, который бы далъ этой душѣ спасеніе!

Но можетъ ли быть спасеніе выше того, которое далъ Христосъ?—отзывается въ душѣ умирающей міръ.—Можетъ, потому что Христу не была вѣдома та тайна, которую таитъ въ себѣ нашъ новый исходъ, наше подполье.

И человѣкъ погружаетъ мысль свою въ Христово лицо, какъ острый кинжалъ, и говоритъ ему съ выраженіемъ крайней суровости и безграничной скорби:

— „Да, я укоряю Его. *Иисусъ, Иисусъ! Зачѣмъ такъ чисто, такъ благостенъ Твой ликъ? Только по краю человѣческихъ страданій, какъ по берегу пучины, прошелъ Ты, и только пѣна кровавыхъ и грязныхъ волнъ коснулась Тебя,—мнѣ ли,—человѣку, велишь ты погрузиться въ черную глубину? Велика Твоя Голгова, Иисусъ, но слишкомъ почтенна и радостна она, и нѣтъ въ ней одного маленькаго, но очень интереснаго штришка,—ужаса безцѣльности“.*

(Мои Записки).

Вотъ что побѣдило въ подпольѣ Христа,—сила страданья. Того страданья, которое не можетъ быть легкимъ, не можетъ быть свѣтлымъ, потому что оно есть истинное, ужасное страданье безнадежности!

И можетъ быть, потому именно, что въ немъ не видно просвѣта,—подполье возводитъ страданье на престолъ своего мрачнаго и холоднаго храма. Ибо только безобразіе, только страшная, демоническая уродливость, только бездонная извращенность могутъ быть кумирами подполья. Ибо изъ великаго, слѣпота отчаянья оно родилось и въ отчаяніи же и воскреснетъ! *Ибо отчаянье хранитъ для него своего рода религіозность, отъ которой оно не отречется никогда.*

Ибо въ самой глубинѣ этого отчаянья и заключается тотъ исходъ, къ которому оно пришло!

„Философія, — говоритъ Нитцше, — это добровольная жизнь среди льдовъ, на высотахъ—исканіе всего, что есть въ бытіи страннаго и сомнительнаго“.

Такова именно философія подполья. Оно не примирится ни съ одною здоровою, ни съ одной человѣческой мыслью, оно извратитъ ее до болѣзненности, сдѣлаетъ ложною, безумною, можетъ быть парадоксальною, но въ этомъ то и заключается вся его суть.

Ибо если нельзя измѣнить міра, то останеся только перевернуть его вверхъ ногами, по крайней мѣрѣ измѣнившійся видъ его не будетъ приносить столько боли.

Если нѣтъ надежды выдумать спасенье, то нужно искать его въ отчаяннн.

Если погасла всякая возможность жить по человѣчески, а душу терзаетъ жажда чего то сверхнормальнаго,—то нужно сдѣлаться уродами, единственно только для того, чтобы восторжествовала человѣческая свободная воля!

Если нечѣмъ жить, то нужно во чтобы то ни стало выдумать нѣчто такое, что заглушило бы самую возможность мышленія.

Но прежде всего и раньше всего нужно похоронить себя въ такомъ склепѣ, куда не въ силахъ пролѣзть все человѣческое и всякая пошлость, соединяемая съ этимъ понятіемъ.

Ибо только въ абсолютномъ молчаніи и въ абсолютномъ одиночествѣ возможно пришествіе великихъ и желанныхъ чудесъ.

А такъ какъ общая тюрьма неизбежна, то, чтобы остаться послѣдовательнымъ, нужно внутри ея построить другую, въ которой было бы вмѣсто добра—зло и болѣзнь, вмѣсто Бога—отчаянье.

И все это нужно сдѣлать не только ради спасенія, но,—во имя той неизлечимой, чадной, безумной ненависти, которую испытываетъ всякая оригинальная, всякая смѣлая и свободная мысль по отношенію къ этому міру, который *долженъ* погибнуть и дать мѣсто неизвѣстной и таинственной Тьмѣ.

*Изъ чаши томительной боли выпьемъ за то, „чтобы
всѣ огни погасли. Пей, темнота!“.*

III.

Есть писатели, которые сразу, невольно захватывают читателя своею оригинальностью и, застывъ ярким впечатлѣніемъ въ мозгу,—оставляютъ слѣдъ свой надолго, иногда навсегда. Случается, что кажется:—въ нихъ ничего особеннаго на первый взглядъ нѣтъ. Все просто—и слогъ, и языкъ, и переживанія, но обаяніе удивительной глубины, часто непонятной и головокружительной таится въ ихъ произведеніяхъ, написанныхъ кровью сердца, запечатлѣнныхъ искренностью непосредственнаго чувства.

Таковъ *Федоръ Сологубъ*.

Творчество его отличается рѣдкимъ качествомъ: оно трогаетъ своимъ неподдѣльнымъ чувствомъ, своимъ внутреннимъ воплемъ, плывущимъ изъ нѣдръ истерзанной души—богатой и пѣжной, истлѣвшей на пожарахъ земныхъ мукъ, свиду какъ будто уже похороненной, но при большемъ анализѣ,—обнаруживающей драгоцѣнности, которымъ могутъ позавидовать самые свѣтлые идеалисты и крикливые писатели сѣренской тенденціозности.

Многіе возмущаются нѣкоторыми произведеніями Сологуба, находятъ въ нихъ извращенность.

Для того, чтобы лучше разобраться въ самомъ терминѣ „извращенность“ или, какъ другіе говорятъ, жестокое сладострастье, необходимо подвергнуть разбору то произведеніе

Сологуба, въ которомъ этотъ элементъ наиболѣе преобладаетъ, а именно романъ „Навьи Чары“.

Этотъ романъ является какъ бы синтезомъ всего творчества Сологуба. Въ немъ вылилась вся душа его, всѣ его сокровенныя мысли, вся любовь и тоска его. Задуманный широко, написанный музыкальною рѣчью углубленнаго символизма, онъ представляетъ глубоко интересное явленіе въ русской литературѣ.

Когда читаешь его, кажется, что слушаешь и видишь какую-то необычайно интимную мистерію Духа, словноходишь въ міръ одного я и одной Воли, словно проникаешь въ ту область, что скрыта отъ человѣческихъ глазъ,—область сказочныхъ чудесъ души, область головокружительныхъ мелодій усталости и одиночества... И весь романъ, какъ тусклый образъ жизни съ лазурными просвѣтами въ вѣчность, съ чарующими безднами потусторонняго... И весь онъ какъ симфонія красокъ и звуковъ, замороженныхъ невѣдомою силою, и каждый звукъ—колодезь забвенья и боли!... Какія головокружительныя вершины одиночества и страданья, какой странный дневникъ боли и наслажденія этою болью, и какая отрада и счастье отъ признанія беспочвенности, безсилья, смерти!

Наша публика не понимаетъ „Навьи Чары“, а критика смѣется надъ ними. И это хорошо, что не понимаетъ: всякое пониманіе опошляетъ въ концѣ концовъ то произведеніе, которое, понимаешь и оно становится аріей изъ „Травіаты“. То, что пишетъ Сологубъ,—не для толпы, не для всѣхъ, а для немногихъ, какъ все глубокое и выстраданное.

То, что пишетъ онъ,—сокровище души его и Тайна сладкая, болѣзненно ощущаемая—и въ минуты кошмарнаго надрыва души, онъ роняетъ нѣжныя, нездѣшніе цвѣты своей Тайны въ пошлость земли, роняетъ, можетъ быть, глубоко сожалѣя объ этомъ, безсильный передъ властью таланта,

бесильный передъ властью музы своей—тихой и прекрасной Смерти!

Герой романа—Триродовъ—весь какъ измученный геній какой то жуткой, зловѣщей, заколдованной Красоты! Калиостро 20-го столѣтія, великій магъ, повелитель духовъ и стихій, лукавый алхимикъ, поэтъ,—онъ царить въ этомъ странномъ царствѣ, которое самъ же создалъ, живетъ въ заколдованномъ домѣ со множествомъ тайнъ, привидѣній,—и оттуда раскидываетъ по міру сѣти навихъ чаръ, сѣти волшебнаго таинства смерти, и лелѣетъ безумный замыселъ разрушенія міра!

И въ своемъ Царствѣ Триродовъ создалъ себѣ творимую легенду,—и вся сотканная изъ прозрачныхъ, голубыхъ, нѣжныхъ звуковъ, вся легкая и сквозная, дышущая ароматомъ туберозъ,—она сошла въ его сердце и сомкнула глаза его мучительно томящимъ поцѣлуемъ забвенья! И въ ней онъ нашель свою музыку, трепетную и печальную, музыку ясновидѣнія и откровенія. И земля, и мѣсяцъ, и звѣзды поклонились ему, и сталъ онъ владыкою душъ человѣческихъ. И раздвинулись предъ нимъ завѣсы всѣхъ тайнъ и чудесъ, и безплотные духи—тихіе мальчики стали служить ему, и кто то незримый, прозрачный опрокинулъ къ губамъ его кубокъ человѣческой крови и бездонной муки женскихъ ласкъ!

И люди преклонились предъ нимъ и благовѣнно трепетали его, и женщины отдавались ему по первому зову, а онъ устало, привычно дарилъ всѣмъ улыбки презрѣнія... Ибо нѣтъ такой силы и такой Легенды, которая заглушила бы страшное понятіе „жить“. Ибо нѣтъ такого счастья, которое спасло бы душу отъ вѣчной тоски! Ибо нѣтъ на землѣ женщины, подобной той,—усталой и тихой, которая приходитъ въ послѣдній часъ и цѣлуетъ раскаленный лобъ бѣлыми губами!

И можетъ быть, все очарованіе легенды Триродова — только въ одиночествѣ, можетъ быть вся Красота ея только въ спасительномъ бѣгствѣ отъ жизни!

Бездонна душа Триродова и мучительна ея жажда, жажда невозможнаго, чудеснаго, сверхчеловѣческаго, жажда, истощающая силы, умерщвляющая духъ!

Чѣмъ же заглушить эту неудовлетворенную жажду, чѣмъ заполнить бездну души и въ чемъ забыться, пока Бѣлая и Желанная не скажетъ „Приди“!

И что на землѣ можетъ умертвить безумную боль, ту боль, отъ которой сѣдѣютъ волосы и разрушается тѣло!?

Маленькіе люди лѣчатся отъ боли своими лекарствами — религіей, моралью, любовью, политикой. . . Но чѣмъ лѣчиться сверхчеловѣку — Триродову — великому кудеснику и магу? И какъ спасти ему отъ тоски и боли, пока надъ міромъ зіяетъ жаркая пасть зловѣщаго змія!..

И отвѣчаетъ пересыщенное сердце: радостью сладострастья, радостью наслажденія человѣческими муками и муками женскаго тѣла и пьянящимъ видомъ алой крови. Вотъ, въ чемъ забвеніе Триродову — мудрому и лукавому волхву, вотъ что можетъ исцѣлить его хоть на время — отъ смертельныхъ укусовъ жизни! И вотъ, устраиваются въ домѣ Триродова призмы для извлеченія крови человѣческой и другія машины св. Инквизиціи, и „за дверьми стоитъ Желѣзная Дѣва, и стоить только нажать кнопку и осужденный падаетъ въ объятія Желѣзной Дѣвы, а острые ножи вмигъ пронзаютъ его тѣло“.

И говоритъ Сологубъ: „Жестокое сладострастье разлито въ нашей природѣ, земной и темной. Несовершенство человѣческой природы смѣшало въ одномъ кубкѣ сладчайшіе восторги любви съ низкими чарами похоти, и отравило смѣшанный напитокъ стыдомъ и болью, и жаждою стыда и боли. Изъ одного источника идутъ радующіе восторги страстей и

радующія извращенія страстей. И мучимъ только потому, что это насъ радуеть,—и когда мать даетъ пощечину дочери, ее радуеть и звукъ удара, и красное на щекѣ пятно“...

Мы возмущаемся этими словами—очень они намъ не нравятся, а между тѣмъ, какую горькую и глубокую правду говорятъ они намъ о жизни! Мы забываемъ, что наслажденіе мукой составляетъ единственную радость жизни и любви, вотъ отчего первые христіане были счастливы, когда ихъ мучили и распинали на крестахъ, вотъ откуда свѣтлая озаренность борца, умирающаго за идею, вотъ въ чемъ таинственная красота жизни русской интеллигенціи, для которой существуетъ только одна радость, только одинъ подвигъ, только одно желаніе, желаніе страданья и жертвы! И невольно воспоминаются слова Достоевскаго, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ предрекшія эту горькую истину современности: „Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только односторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще, пожалуй, дойдетъ до того, что отыщеть въ крови наслажденіе“...

Съ другой стороны извращенность и садизмъ представляютъ неотъемлемый элементъ современной любви. Это истина, санкціонированная даже медициной, въ доказательство чего можемъ привести слова авторитетнаго нѣмецкаго врача Freuda, который говоритъ: „Нѣтъ почти ни одного здороваго человѣка, у котораго не было бы какого нибудь извращенія, въ качествѣ придатка къ нормальному половому инстинкту“. А д-ръ Иванъ Блохъ категорически заявляетъ: „Садизмъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу самыхъ распространенныхъ половыхъ извращеній и въ легкой формѣ встрѣчается почти у каждаго человѣка“.

Общество обвиняетъ Сологуба въ несправедливости вышеприведенныхъ словъ и приписываетъ ихъ его извращен-

ности, забывая или не желая знать, что въ нихъ таится горькая правда человѣческой жизни!

И правъ былъ Нитцше, когда выражалъ психологію всеобщаго садизма въ нижеслѣдующихъ глубоко правдивыхъ словахъ:

„Почти все, что мы называемъ высшей культурой, покоится на одухотвореніи и углубленіи жестокости. То, что сообщаетъ человѣческой комедіи болѣзненно-сладострастный характеръ, есть жестокость; такъ называемое состраданіе, вызываемое въ насъ трагедіей, и, въ сущности, все возвышенное вплоть до нѣжнѣйшихъ болѣзненныхъ вибрацій метафизической мысли, все, что дѣйствуетъ на насъ какъ нѣчто пріятное, получаетъ свой сладостный характеръ исключительно отъ примѣси ингредиента жестокости. Все, чѣмъ наслаждаются и что впитываютъ въ себя съ такой страстью римлянинъ на своей аренѣ, христіанинъ въ восторженномъ созерцаніи Креста, испанецъ при видѣ костровъ или боя быковъ, рабочій парижскаго квартала, питающій страсть къ кровавымъ революціямъ, поклонница Вагнера, безвольно отдающая себя во власть Тристана и Изольды,—все это прямые инстинкты великой Цирцеи, имя которой *Жестокость*. Но слѣдуетъ отбросить ту странную психологію, которая учитъ, что жестокость возникаетъ лишь при видѣ чужихъ страданій. Можно находить чрезвычайно огромное наслажденіе и въ собственномъ страданіи, въ причиненіи боли самому себѣ; и всюду, гдѣ человѣкъ даетъ увлечь себя самоотрицаніемъ въ религіозномъ смыслѣ или самоувѣченіемъ, какъ это было у финикіанъ и аскетовъ, или вообще умерщвленіемъ плоти, цуританскими припадками раскаянія, вивисекціей совѣсти,—его тайно влечетъ и гонитъ впередъ собственная жестокость, опасная сила жестокости, направленной противъ себя“....

Теперь перейдемъ къ той сторонѣ Сологубовскаго творчества, которая наиболѣе интересна для насъ. Для этого

намъ необходимо подойти къ самой глубинѣ души автора, выражающейся въ его поэтическомъ творествѣ.

... Когда коснулся онъ струнъ своей лиры,—холодная уже была душа его, черный, потухшій вулканъ. Чувствуется, что родилась она чистою, восторженною, вѣрующею,—и разбилась вдребезги о выступы жизни и, пройдя сквозь горнило безумныхъ мукъ,—сплющилась, сжалась, и, образовавъ сплошную кровавую рану, —отшатнулась отъ міра въ страхъ, въ обидъ, въ ужасъ.

„Въ скитаніяхъ ненужныхъ.
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золь
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ“.

И тогда наступило торжество одиночества.

„Есть правда горькая въ пророчествѣ:
Ты долженъ вѣчнымъ быть рабомъ.
Свобода—только въ одиночествѣ.
Какое рабство—быть вдвоемъ.“

Свершить ли хочешь пожеланія,—
Свободные всегда одни.
Вѣнчай тиарою молчанія
Свои отторженные дни.

Но бойся, бойся воплощенія
Твоей надежды и мечты;
Придутъ инья вождѣленія.
И самъ окаменѣешь ты“...

Одиночества—больного и пьянаго непреодолимою безысходностью, когда застываетъ тѣло въ оцѣпенѣніи и бессильно бьется въ тискахъ тюремности тайнъ и обмановъ, и жизнен-

ныхъ сфинксовъ, — придушенныхъ, заплеваннхъ, погребенныхъ тамъ, на днѣ души... И грезятся призраки, и душитъ нѣмая, гнилая тоска, и становится страшно передъ самимъ собой, и бѣжишь отъ своего я, спутывающаго мысль сѣтями инквизиторскими, а оно мчится по пятамъ и гонить, и терзаетъ, и обрушиваетъ адъ хаоса на голову—и нѣтъ выхода, нѣтъ спасенья, нѣтъ пощады отъ томительнаго и сладкаго въ ранахъ неизлѣчимыхъ—одиночества... Родилъ его мѣръ— непонятный и злой для человѣка съ неизмѣримымъ богатствомъ души, родили хмурые, холодные люди, у дверей которыхъ тщетно стучится человѣкъ, съ молитвой понять, полюбить, приласкать... И никто не откликнулся, никто не понялъ, потому что всѣ одиноки...

Въ растлѣніи одиночества погасъ свободный духъ.

Погасъ, и рассыпался смрадными кусками гніенія.

И пошелъ въ тьму, вѣнчанную хохотомъ зла и дьявола, въ тьму земли, проклятой предвѣчно,—и развернулся курганъ ненужнаго, жалкаго прозябанія полуживыхъ мертвецовъ, безсознательно тяготѣющихъ къ первопричинѣ своей— всеобъемлющей смерти...

И бросалъ ядовитую слюну смѣха безумнаго въ неподвижныя маски людскія,—мрачный сынъ Дьявола, пьяный страданьемъ своимъ.

„Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну,
Я такъ возвалъ:—Отецъ мой, Дьяволь,
Спаси, помилуй,—я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней.

И Дьяволь взялъ меня и бросилъ
Въ полуйстлѣвшую ладью.

Я тамъ нашелъ и пару весель.
И сѣрый парусъ, и скамью.

И вынесъ я опять на сушу.
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу
И тѣло грѣшное мое.

И вѣренъ я, отецъ мой Дьяволъ.
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И Ты меня изъ бездны спасъ.

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню
Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя,—соблазню“.

Поэтъ измѣрилъ глубину зловѣщей русской пошлости. Среди вонючихъ болотъ, окружавшихъ его одиночество,—разросталась она ужасающею плѣсенью, чуткое сердце безсознательно поглощало ее въ свои нѣдра и выбрасывало въ припадкѣ творчества ослѣпительными фотографіями въ трепещущихъ рамкахъ тяжелаго юмора, отъ котораго, вмѣсто смѣха, морозъ пробѣгаетъ по кожѣ... И всѣмъ напряженіемъ муки души, усталой и умирающей—бросилъ русскому обществу оглушительную пощечину въ лицѣ Передонова, создавъ страшный, по силѣ впечатлѣнія, символъ пошлости и омертвѣлаго мѣщанства. Это была месть, по истинѣ, дьявольская,—месть, достойная того ада страданья, которое принесла ему непобѣдимая и злая Майя—жизнь. Когда читаешь похождение этого „мелкаго бѣса“, рожденнаго великимъ возмущеніемъ души поэта, — дѣлается страшно за жизнь, за человѣка, за весь міръ, страшно и тяжело, и невольно вспоминаются слова, исполнившіяся въ такой отвратительной формѣ.

„Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя,—соблазню!“...

Передоновъ — соблазнъ единственнаго исхода передъ жизнью — смерти.

Онъ — проклятье міру, гудящее хохотомъ Дьявола.

Онъ — смрадная гать, сквозь которую сочатся въ нашу душу мутные потоки жизни.

Онъ — то, что вездѣ и всегда — грозное фатумъ.

Упившись мезтью, поэтъ запѣлъ о тихой пристани, о свѣтломъ блаженствѣ, распростертомъ надъ черной землею на бѣлыхъ, матовыхъ крыльяхъ, объ единомъ прибѣжищѣ, въ достиженіи котораго — вѣчная жизнь.

„Пойми, что гибель неизбѣжна,
 Довѣрься мнѣ,
 И успокойся безмятежно
 Въ послѣднемъ снѣ.
 Въ безумствѣ дни твои сгорѣли, —
 Но что тужить!
 Вся жизнь, весь міръ — игра безъ цѣли.
 Не надо жить
 Не надо таинства земнаго,
 Да нѣтъ и силъ,
 И самъ ты таинства иного
 Уже вкусилъ“.

Когда говорить Сологубъ о смерти, — слышится въ словахъ его какая то надорвавшаяся мольба, полная чарующихъ нотокъ, полная нѣжности и самозабвеннаго восторга, слышится неземная музыка экстаза, слышится крикъ, раздрающій душу, и слезы, и радость, и улыбки ангеловъ, — и вырастаетъ передъ нами въ звукахъ его поэзіи смерть преобразенная, — бѣлая дѣва — тоскующая, сонно-прекрасная, какъ весенній хмѣль, и, подъ тихій зовъ его, и для насъ дѣлается она не только гнилой пустотой, но и мистическимъ озареніемъ чего то вѣчнаго и огромнаго, рокошущаго въ глупинахъ своихъ матовыми аккордами неземнаго покоя.

Съ такую же страстную влюбленностью, какъ и Шонгауэръ, — онъ зоветъ ее, и такъ же, какъ у перваго, — зарождается въ его творчествѣ аскетическій идеалъ, среди жизненныхъ болотъ такой плѣнительный, чарующій чудесами потусторонняго.

„Порою туманной
Дорогою трудной
Иду!
О, другъ мой желанный,
Спаситель мой чудный, —
Я жду!
Мгновенное племя
Цвѣтутъ при дорогѣ, —
Мечты,
Медлительно время,
И сердце въ тревогѣ, —
А ты,
Хоть смертной тропою,
Въ послѣдній, жестокий
Мой день,
Пройди передо мною,
Какъ призракъ далекій,
Какъ тѣнь!

Распростерта жалоба у ногъ Спасителя, — жалоба на міръ, погруженный въ обманъ и ложь, на людей, что своею пошлостью увеличиваютъ этотъ обманъ до иступленнаго отчаянія. Чувствуется въ этой жалобѣ необычайная глубина чувства и не только голосъ души, но и голосъ крови, брызжущей каскадами въ этихъ словахъ, насквозь проникнутыхъ силою острыхъ, болѣзненныхъ переживаній.

„Быть съ людьми, — какое бремя!
О, зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить,
Погружаться въ созерцанье

Облаковъ, и неба, и земли,
 Быть, какъ ясное молчанье
 Тихихъ звѣздъ, мерцающихъ вдали! "

Эта острота переживаній часто встрѣчается у Сологуба, и если кажется порою, что холодъ вѣетъ отъ его пѣсенъ, то это лишь нашъ обманъ. Иногда происходитъ это отъ слишкомъ взвинченной остроты страданья, вулканъ котораго, извергаясь,—застываетъ отъ холода жизни ледяной корой. Переживанія эти отличаются также не малою долею обаянія—тиховѣйнаго и печальнаго, и каждый, у кого есть душа, читая пѣсни его и рассказы,—постепенно, словно по наитію какого то бѣлаго и холоднаго духа,—отдается во власть этихъ манящихъ, пьяныхъ тоскою жизненнаго и мечтою о потустороннемъ сквозь смертельное,—нѣдръ его поэзіи, и душу объемлетъ безграничная грусть.

Но все же, несмотря на все отчаянье, несмотря на весь развѣдающій пессимизмъ Сологуба,—въ творчествѣ его таится еще что то свѣтлое и радостное, какъ пламя молитвы, нѣчто, заставляющее любить этотъ пессимизмъ,—и оно расширяетъ свои нѣжнотканная объята по мѣрѣ того, какъ мы погружаемся въ сознательный анализъ облика художника. Это — обаяніе мистики Сологуба, которая всегда просвѣчиваетъ сквозь его безнадежно грустныя слова лазурною, тихонѣжною волной и журчитъ свирѣлями убаюкивающими и, среди тьмы, грязи, пошлости, непреодолимо манить туда, гдѣ простирается всепоглощающая сѣнь бездонно величавой Нирваны.

Нирвана Сологуба полна нѣжности и бѣлаго покоя, который проникаетъ въ душу болѣзненнымъ опьяненіемъ.

„На Ойле далекой и прекрасной
 Вся любовь и вся душа моя.
 На Ойле далекой и прекрасной
 Пѣсней сладкогласной и согласной
 Славить все блаженство бытія.

Тамъ, въ сіяньи яснаго Маира,
 Все цвѣтетъ, все радостно поетъ.
 Тамъ — въ сіяньи яснаго Маира.
 Въ колыханьи свѣтлаго эфира,
 Міръ иной таинственно живетъ.

Тихій берегъ синяго Лигоя
 Весь въ цвѣтахъ нездѣшной красоты.
 Тихій берегъ синяго Лигоя —
 Вѣчный міръ блаженства и покоя,
 Вѣчный міръ свершившейся мечты.

Все, чего намъ здѣсь недоставало,
 Все, о чемъ тужила грѣшная земля,
 Расцвѣло на васъ и засіяло,
 О Лигойскія блаженныя поля!

Этотъ міръ вражда заплонила,
 Этотъ бѣдный міръ въ унынье погруженъ,
 Намъ отраднa тихая могила
 И подобный смерти, долгій, темный сонъ“...

Истинное, безпечальное и безгрѣшное бытіе возможно только въ отреченіи отъ земли и отъ тѣла, въ отреченіи отъ всей жизни и—того отвратительнаго ада, который создали люди во имя обмана, въ отреченіи даже отъ главнаго вдохновенія поэта—красоты, ибо людямъ въ сущности не нужна красота, они не понимаютъ ея, загрязняя и опошляя ея святой смыслъ своими нечистыми жизнями и злоупотребляя ею только въ цѣляхъ своихъ животныхъ инстинктовъ.

... „*Построить жизнь по идеаламъ добра и красоты! съ этими людьми и съ этимъ тѣломъ!*— горько думала Елена. — *Невозможно! Какъ замкнуться отъ людской пошлости, какъ уберечься отъ людей! Мы все вмѣстѣ живемъ и какъ бы одна душа томится во всемъ многоликомъ человечествѣ. Міръ весь во мнѣ. Но страшно, что онъ таковъ, каковъ онъ есть, — и какъ только его поймешь, такъ и увидишь, что онъ не долженъ быть, потому что онъ лежитъ*

въ порокъ и во злѣ. Надо обречь его на казнь и себя съ нимъ“. (Разсказъ „Красота“).

Въ этихъ словахъ—весь Сологубъ.

Разъѣдающая сѣрость—вотъ любимый фонъ Сологуба. Подъ его перомъ она дѣлается впитывающей и поглощающей весь мѣръ—и, сквозь призму ея, онъ любитъ издѣваться надъ жизнью, выворачивать передъ нами ея зачумленную, подгнившую изнанку и быть неутолимымъ инквизиторомъ своихъ жертвъ—маленькихъ, тусклыхъ людишекъ, и еще тѣхъ—святобезумныхъ, съ открытыми безднами божественныхъ душъ, томящихся въ паническомъ страхѣ передъ загадками бытія. Эти послѣдніе, въ разсказахъ его, погружаются въ море пошлости, тьмы и обмана, ища отклика на свои внутреннія, часто имъ самимъ непонятныя стремленія, ища идеаловъ свѣтлыхъ и возвышенныхъ, откровеній, чудесъ, непорочности. И падаютъ, сраженные ударами разочарованій, пытокъ и мученій на пути къ своему далекому и смутному идеалу,—падаютъ, убіенные или руками другихъ, или своими же собственными—въ пьяныхъ судорогахъ жажды неземного, жажды аскетическаго отрѣшенія отъ земныхъ оковъ. И, когда умираютъ они—свято-безумные,—сѣрый фонъ ярко окрашивается радостью неизреченною и какимъ то страннымъ, обезсиливающимъ покоемъ,—и, кажется, что сходить въ ихъ души то высшее счастье, котораго они не могли найти на землѣ, и слышится великая радость самого Бога и всей земли, рыдающей восторгами чудесными, словно свершилось нѣчто долгожданное, нужное, нѣчто единственное, въ чемъ можетъ заключаться и жизнь, и спасенье, и счастье.

Въ разсказѣ „Утѣшеніе“, въ образѣ умершей дѣвочки Раи, упавшей изъ окна и разбившейся,—является мальчику Митѣ—больному и усталому—сама смерть въ ослѣпительной красотѣ своей, и тѣ мѣста, гдѣ является Рая,—явно говорятъ о томъ, какъ любить смерть Сологубъ, какъ жадно онъ упи-

вается ея прозрачными струями, плывущими на землю изъ горняго міра, какъ молится на нее и вѣрится въ то безконечное блаженство, которое таится въ ней.

....Въ кладбищенской церкви покойники, трупный запахъ. Митя стоитъ близъ алтаря, и молится, склоня колѣна на каменные плиты. Дымъ отъ ладона клубится по церкви, синѣетъ и подымается вверхъ, У алтаря ходитъ Рая, полупрозрачная, легкая. Она радостно сіяетъ. Одежда у нея бѣлая, руки обнаженныя, волосы падаютъ ниже пояса широкими, свѣтлыми прядями. На шеѣ у нея жемчуга, и легкій кокошникъ низанъ жемчугами. Вся она бѣлая, какъ никто изъ живыхъ, и прекрасная. Она смотритъ на Митю отрадно темными и строгими глазами, и къ смерти клонитъ его. Не сама ли она смерть? Прекрасная смерть! И зачѣмъ тогда жизнь?

Райнѣ голосъ звучитъ, чистый и ясный. Что сказала она, не слышалъ Митя. Онъ вслушивается внутри себя, въ слѣдъ ея словъ,— и надъ мукою головной боли тихо вѣютъ кроткія слова:

— Не бойся!

Радостно, что будетъ все темно, какъ въ Райныхъ глазахъ, и успокоится все, — муки, томленья, страхъ. Надо умереть, какъ Рая, и быть, какъ она.

Сладостно уничтожаться въ молитвѣ и созерцаніи алтаря, кадильнаго дыма, и Рай, и забывать себя, и камни, и всѣ страшные призраки изъ обманчивой жизни.

Рая близко.

— Отчего ты бѣлая?—тихонько спрашиваетъ Митя.

Тихо отвѣчаетъ Рая:

— Только мы — бѣлые. Вы всѣ — красные.

— Почему же?

— У васъ кровь“...

Когда описываетъ Сологубъ картину смерти и самоубійства, онъ упивается ею съ какою то сладострастною жаждою, впитываетъ всѣ ея краски и, весь пламенѣя, исходитъ сладкими судорогами припадочнаго восторга. Смерть—алкоголь его творчества, она наполняетъ послѣднее какою то чадною пресыщенностью.

Необычайно свѣтлый идеализмъ, при столкновеніи съ жизнью, выродился въ болѣзненный пессимизмъ — и сліяніе этихъ двухъ противоположныхъ направленій легло въ основу творчества Сологуба, но послѣднее совершенно поглотило смутные проблески перваго, которые, если и встрѣчаются изрѣдка, то исключительно въ видѣ разслабленнаго, мечтательнаго чаянія смерти.

— Только одинъ разъ Сологубъ вошелъ въ жизнь реальную, жизнь какъ она есть. Это было тогда, когда создавался „Мелкій бѣсъ“... И вотъ, въ жуткомъ познаніи, изъ черной грязи, изъ гущи мѣщанства, изъ человѣческой мерзости выросъ багровый ужасъ и придушилъ душу...

И заразилась душа самую гнуснѣйшею и постыднѣйшею болѣзнию въ мірѣ, болѣзнию, названіе которой „жизнь“. И зашаталась почва подъ ногами — самый отчаянный моментъ въ мірѣ — и четко, ясно стало понятно, что идти уже некуда, что нѣтъ лекарства, нѣтъ средства для того, чтобы уничтожить заразу, и вздулась она горячечнымъ, кошмарнымъ бредомъ въ ослабѣвшемъ мозгу, — и въ инквизиторской мукѣ страданья потонули всѣ люди, весь міръ, вся жизнь... Это моментъ, когда беспочвенность обыкновенно смѣняется религіей и, чѣмъ сильнѣе и опаснѣе беспочвенность, тѣмъ чудеснѣе и глубже должна быть смѣнившая ее вѣра. Но еще неизвѣстно, не есть ли глубокая, экстатическая вѣра только маска беспочвенности, еще недоказано, что уничтожить страданье можно въ предѣлахъ жизни все равно какою цѣной. Ибо страданье есть жизнь и безъ уничтоженія жизни нельзя уничтожить страданья... И въ кровавомъ бреду истлѣвающей жизни прильнулъ ко кресту поэтъ — мученикъ, поэтъ — страдалецъ, и въ молитвѣ, въ молитвѣ отчаянія прозвучалъ его голосъ. И вотъ наступаетъ самый чудесный, самый прекрасный рефлексъ въ творческой эволюціи, моментъ, когда на

струнахъ души, какъ на клавишахъ зазвучали нѣжные аккорды и стало тихо, и сквозь траурную измученность молчанья, сквозь вихрь бреда, сквозь пепель одиночества вынырнулъ бѣлый, прозрачный Ликъ съ бездонно расширенными глазами и истерзанной улыбкой на бѣлыхъ губахъ и— вся красота, вся—восторгъ, вся— забвенье,—Она позвала:

— Приди!

И тогда брызнулъ ослѣпительный свѣтъ и излѣчилъ скорбныя раны души, и земля впиалась въ небо, растворилась въ немъ, исчезла... И земля уничтожилась для разума, оставшись постыднымъ бременемъ для тѣла, и оглушило, ослѣпило сознание новое небо—радостное небо возрожденья... И, усталая, истомленная, бѣлолилейная, Она подошла, тихо покачиваясь, и занесла надъ разслабленнымъ сердцемъ свой спасительно—острый стилеть...

„Мой стилеть остеръ и ранить“ и для тѣла—гибель, для тѣла—смерть, но—кто пойметъ всю тайну, всю сладость и счастье этой раны, тотъ приметъ ее восторженно, любовно и благодарственно....

Поэтъ нашель свой исходъ, нашель свое спасение. Этотъ исходъ и это спасение—смерть. Откровение опьянило всю душу и, хотя душа будетъ касаться жизни, но все теперь направлено на подготовление къ грядущему причастію и оттого все такъ углублено и поражаетъ своею одухотворенною утонченностью.

Для Сологуба, въ противоположность Андрееву, смерть есть мистическое познание. Она—возрождение, она—новая земля, она—тотъ новый міръ, который является основною потребностью души и который недостижимъ въ предѣлахъ земного. Для Сологуба смерть—это божественная Идея и божественная Сущность, конечная цѣль и единственно возможная достижимость. Для него смерть—единственная форма познанія міра и при свѣтѣ этого познанія возникаетъ

совершенно новая, гениально исполненная картина вселенной. И представляется эта картина такъ: на мутно сѣромъ фонѣ—мѣстами грязномъ, мѣстами мутно-гниломъ—шевелиются какія то кошмарныя, ужасающія формы, словно созданныя изъ пепла, слышится глухой гулъ суеты, брызжетъ кровь, раздаются проклятья и стоны и, какъ стадо мокрыхъ, изгаженныхъ собственнымъ навозомъ крысъ,—пищитъ, мечется, царапаетъ, воняетъ Передоновщина — сущность жизни, зараженный сокъ ея, который заставляютъ пить другъ друга люди... И, когда отойдешь немного отъ картины, то издали она кажется безобразно скученной, сѣрвовой кашницей, брызжущей во всѣ стороны струями грязи. Сущность впечатлѣнія — ужасъ, тошнота и страхъ. Но художникъ вѣритъ, что придетъ часъ и отъ удара остраго стилета разорвется и исчезнетъ сѣрый фонъ картины, и сквозь нее засіяетъ заря новой жизни за предѣлами вселенной, въ сферѣ безсмертной души.

А пока въ жизни остается одно: разрушать силою напряженной души, силою новаго религіознаго сознанія весь этотъ міръ, всѣ границы его, всѣ его основы и возможности. Это разрушеніе—фанатически страстное и иступленное до отчаянья, разрушеніе, опьяненное мукою страданья, является строго выдержанной формой религіи, которую можно назвать *религіей смерти*. Такъ разрушать можетъ только вѣрующій, такъ молиться и такъ любить свою вѣру можетъ только религіозный духъ. Религія смерти имѣетъ не только субъективный смыслъ, но и глубоко универсальное значеніе, своего рода социальную проблему спасенія міра, выражаясь шаблонно. Религія смерти есть, можетъ быть, то послѣднее слово жизни, которое должно уничтожить самую жизнь и, хотя плюсъ, будучи уничтоженъ минусомъ, даетъ минусъ, но мы знаемъ, что и отрицательное число имѣетъ свое значеніе, и въ данномъ случаѣ оно гораздо важнѣе положительнаго.

Верховный жрецъ религіи смерти Артуръ Шопенгауэръ въ своей философіи, которая больше похожа на безнадежный вопль души, чѣмъ на философію,—выяснилъ вполне опредѣленно то великое значеніе, ту красоту и ту радость, которыя открываются въ смерти.

И повисли надъ міромъ его слова — глубокія и сильныя, какъ черныя звуки Бетховена, слова, напоенныя кровью, горечью и желчью, такія слова, отъ которыхъ душа замираетъ въ какомъ то сладостномъ страхѣ.

Онъ съ математическою точностью доказалъ обманъ и ненужность человѣческаго существованія — низкаго, грязнаго, постыднаго, онъ съ геніальностью великаго художника открылъ передъ нами ту головокружительную бездну, которая таится въ страшномъ понятіи *Воля-жизнь*, онъ всю тоску и всю боль обманутой души вложилъ въ проклятье — анаѹему всему живущему, всему человѣческому, всему земному, и съ утонченной интуиціей психолога приподнялъ завѣсу великой Тайны — смерти, которая есть въ сущности вѣчная жизнь, жизнь освобожденнаго Духа, чистаго и прекраснаго, какъ сама смерть.

И никогда еще не было въ мірѣ такого страстнаго, такого могучаго, такого иступленнаго отрицанія жизни и ни въ одной философской системѣ не выразилась съ такою поразительною ясностью и красотой сущность проблемы смерти.

Ужась міроваго обмана — *Воли* растерзалъ душу Шопенгауэра, и вотъ родились въ ней нѣжно прозрачныя, снѣжно-мимозныя цвѣты Нирваны.

Человѣкъ прошелъ сквозь мимозность души, весь человѣкъ, какъ онъ есть, со всею своею гадостью и грязью, — и появилась глубочайшая теорія одиночества, та теорія, которую мы живемъ доселѣ, и въ одиночествѣ родилось высокоумѣнное презрѣніе къ человѣку, такъ какъ Шопенгауэровское состраданіе есть не что иное, какъ презрѣніе.

И глянула въ зеркальность души Бѣлая Дѣва съ глазами отверзтыми какъ сама Вѣчность и имя ей Смерть — Красота, и теорія о значеніи искусства, какъ искупляющаго и освящающаго начала сіяетъ словно нѣжно истерзанная молитва, и въ ней — полнѣйшее сліяніе съ Божествомъ, съ тѣмъ отраднымъ и безобманнымъ Божествомъ, котораго люди называютъ смертью.

Шопенгауэръ если и не далъ окончательнаго опредѣленія смерти, то, во всякомъ случаѣ, показалъ міру чарующій смыслъ, который скрывается въ ней, освѣтилъ свѣтомъ внутренняго прозрѣнія ея черныя дали и глазами созерцателя — мистика заглянулъ на самое дно Тайны. Онъ, можетъ быть, глубже и любовнѣе, чѣмъ средневѣковые аскеты, выяснилъ блаженную сущность аскетизма и послѣдній въ его философіи развился въ богатую программу спасенія, и въ ней блеснули впервые отрадныя огоньки надежды.

Аскетизмъ отрицаетъ, по Шопенгауэру, самоубійство, послѣ котораго Воля къ жизни остается попрежнему нерушимой и, вмѣсто него, выдвигаетъ болѣе цѣлесообразную теорію *медленнаго угасанія* посредствомъ голода, которая впоследствии ученикомъ Шопенгауэра Майнлендеромъ разовьется въ великолѣпную программу универсальнаго уничтоженія.

Вплоть до вопроса о Нирванѣ Шопенгауэръ является пессимистомъ въ полномъ значеніи этого слова, онъ даже отчасти матеріалистъ и циникъ, но въ построеніи Нирваны сбрасываются тлѣнныя одежды земли, и Шопенгауэръ отъ грубаго пессимизма приходитъ къ свѣтлому мистицизму.

И здѣсь отрицательность смѣняется положительностью, здѣсь, среди гробового молчанія небытія, среди бѣлаго покоя, въ синихъ волнахъ вѣчности воскресаетъ страстная мечта Плотина о сліяніи души человѣка съ божествомъ, здѣсь въ экстазѣ, замороженномъ смертію, весь міръ превращается въ музыку рая, и Вѣчность становится имманентной новому со-

знанію. Сквозь призму философіи Шопенгауэра весь міръ кажется мрачнымъ, тусклымъ храмомъ, въ которомъ измученная, усталая, оскорбленная душа человѣка замерла въ молитвѣ передъ лицомъ Смерти.

И ликъ сквозить прозрачностью бѣлолилейною, и вотъ—открыты бездонные, молящія, давно желанные, давно снившіеся глаза, и морозъ пробѣгаетъ по нервамъ, смѣняясь блаженствомъ влюбленности, и въ дикомъ гулѣ, въ ревушемъ хохотѣ вѣчности зарождается безумно пьяный, истопающій, блаженный экстазъ.

Смерть—освободительница и утвердительница Духа въ вѣчности, смерть—желанная свобода и утѣшеніе, смерть—избавительница отъ страстей, отъ вросшихъ въ мозгъ цѣпей воли, смерть—божество и истинное познаніе—вотъ что говорить Шопенгауэръ о значеніи смерти, вотъ что являетъ намъ та религія, которую онъ утвердилъ.

Федоръ Сологубъ вѣрный его ученикъ и послѣдователь, сорвалъ безобразную маску съ лица смерти,—и предъ нами предстала Красота святая, красота, дающая сердцу покой и блаженство. Съ гениальною проникновенностью онъ открылъ передъ нами всю ея музыку, все ея очарованіе и драгоценнымъ ключемъ прозрѣнія отперъ тяжелую дверь Великой Тайны... Тамъ, за дверью еще царить тьма, и восковыя черты Тайны подернуты мертвымъ флеромъ, но мы знаемъ, что Сологубъ видитъ ее совсѣмъ не такъ, какъ видимъ мы, другими, внутренними глазами! Мы знаемъ, что онъ видитъ ее божественно-прекрасной, и даритъ Она ему поцѣлуи чистые, пѣсни свирѣльно-нѣжныя, чудеса сказочныя и объятія чистыя, искупляющія! Его религіозное дѣйство дало ему эти внутреннія очи. И въ немъ открывается царство единой Воли и свободнаго, великаго я. Поэтъ создалъ себѣ свой міръ, цѣлмый богатый міръ души—сложный, таинственный, со множествомъ хитрыхъ, замысловатыхъ созданій, ему одному

подвластныхъ, со множествомъ зачарованныхъ чертоговъ, гдѣ совершаются навьи чары и, какъ больные, легкіе сны бродятъ тихіе мальчики.

Захочетъ лукавый колдунъ — и весь міръ станетъ лазурною сказкою и райскіе сны воцарятся въ душѣ. Захочетъ — и громъ раскатится по вселенной и умретъ Богъ, и наступитъ царство Діавола! Захочетъ — и блаженная земля Ойле прозвучитъ роскошнымъ аккордомъ въ измученномъ сердцѣ, и тихіе напѣвы зачаруютъ, заколдуютъ всякую боль и развѣется душа бѣлыми лепестками покоя. Пожелаетъ мудрый колдунъ поклоненія, и измученнымъ духомъ вознесется на алтарь своего храма, — и вотъ двѣнадцать бѣлыхъ отроковъ, двѣнадцать сладостныхъ жертвъ подойдутъ смиренно, воздѣвая руки горѣ, — и взмахнетъ острый ножъ, и въ винѣ дѣтской, алой крови начнется литургія колдуну.

Въ сладкомъ изступленіи экстаза заструится матово и нѣжно бѣлая Дѣва-Царица. И приблизится, и возьметъ его душу и инквизиторской мукой, блаженной мукой истомитъ ее, и станетъ душа какъ вопль волшебныхъ серебрянострунныхъ скрипокъ, и вырастутъ бѣлыя крылья, и въ бѣшенномъ вихрѣ восторга вознесется къ небу вся жизнь.

Но разрѣшить земные вопросы, освѣтить земную тьму и отвѣтить на мученія жизни — онъ — нездѣшній и дальній — не можетъ. Онъ можетъ сказать людямъ только одно слово, журчащее неземною напѣвностью:

Не живите!

И тѣ, у кого закрыта жизнью душа, тѣ, которые вѣрятъ, что $2 \cdot 2 = 4$ и что такъ и должно быть, — тѣ пройдутъ мимо этихъ словъ съ гордостью довольныхъ. Но есть другіе — влюбленные въ жизнь и вѣрующіе, но у которыхъ силы выпило липкое, грязное, неустроенное бытіе. Они утверждаютъ, что Царство идеала нужно здѣсь, на землѣ, что только земная жизнь есть основа всякаго религіознаго дѣйствія. Въ своемъ

безуміи они забываютъ о страшной власти Обмана, гнѣздящагося въ ихъ сознаніи.

Ибо не безумцы устраиваютъ жизнь и не безумцамъ суждено сдѣлать ее иною, эту функцію исполняютъ люди „разума“ и труда, люди—машины и куклы, всякая нечисть и тупость, отъ которой тошнить,

И пусть безумцы кричатъ, насколько хватитъ силъ, пусть кричатъ и надрываются, пусть выходятъ изъ себя—хрустальный дворецъ пошлости непременно построится!

И если вся жизнь, вся безумная боль, все страданье нужны для того, чтобы построился въ будущемъ хрустальный дворецъ пошлости, то въ глубинѣ сознанія вопросъ „зачѣмъ жить“? остается безъ отвѣта!

Достоевскій, когда мучился въ подпольѣ, гениально изобразилъ это состояніе.

„Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ заявлю два слова особо. Не потому ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ ихъ любить, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ быть онъ зданіе то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи, можетъ быть онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ *aux animaux domestiques*, какъ то: муравьямъ, баранамъ и проч., и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть удивительное зданіе въ этомъ же родѣ, навѣки нерушимое—муравейникъ. Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и можетъ быть подобно шахматному игроку, любить только одинъ

процессъ достиженія, а не самую цѣль. И, кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ быть, вся та цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать, въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая разумѣется, должна быть не что иное какъ $2 \cdot 2 = 4$, то есть формула, а вѣдь $2 \cdot 2 = 4$ есть уже не жизнь, господа, а начало смерти!“ (Записки изъ подполья).

Итакъ, остается принять процессъ жизни ради него самого. Всегда, когда говорятъ объ этомъ исходѣ,--общество и жизнь символизируются въ моемъ воображеніи въ формѣ басни „Медвѣдь и бревно“. Человѣкъ живетъ для процесса и, какъ медвѣдь, все ближе и ближе напираетъ на бревно, а самый этотъ процессъ--бревно съ страшною силою бьетъ его по головѣ, и чѣмъ ближе онъ подходитъ, тѣмъ сильнѣе бьетъ, и въ концѣ концовъ вышибетъ несчастному стороннику эволюціонной теоріи мозгъ!

Говорятъ еще—люди живутъ для того, чтобы отыскать истину.

Другими словами, вся жизнь сводится къ отысканію истины, которая составляетъ философскій камень всего человѣчества.

Но если вдуматься, то станетъ ясно, что истина--понятіе относительное и что критерія для утвержденія истины не существуетъ.

И, что важнѣе всего, истина не можетъ быть достигнута. Ибо, еслибы она была достигнута, то исчезло бы все ея обаяніе и значеніе, и міръ снова потерялъ бы одну изъ масокъ обмана. Это тонко истолковалъ Лессингъ и въ слѣдующихъ его словахъ заключается вся горечь и вся иронія жизненнаго обмана:

„Всякое обладаніе дѣлаетъ человѣка инертнымъ, лѣнивымъ и гордымъ. Если бы Богъ держалъ въ своей десницѣ всю истину, а въ лѣвой рукѣ--одно лишь стремленіе къ

ней, хотя бы сопряженное съ постоянными и вѣчными заблужденіями, и сказалъ бы мнѣ: выбирай!—то я паль бы на колѣни передъ его лѣвой рукой и сказалъ бы: дай мнѣ то, что ты держишь въ ней, потому что вся правда доступна лишь одному Тебѣ“...

Но, если Истина не достижима, то кто можетъ утверждать, что она существуетъ? А разъ ея нѣтъ, то вопросъ „зачѣмъ жить“? снова остается безъ отвѣта.

Проблему о смыслѣ жизни до сихъ поръ рѣшали въ слишкомъ узкихъ рамкахъ, въ рамкахъ земного и конечнаго, вотъ почему получались такіе тусклые отвѣты и такія ограниченныя построения истины.

Отнынѣ ясно стало, что должно и необходимо перенести проблему истины въ вѣчность, ибо только въ вѣчности возможно спасеніе.

Съ другой стороны—и земная философія, и сама жизнь доказываетъ безмысленность и тщету существованія, выпивающаго всю душу и взамѣнъ дающаго тошноту тоски.

Жизнь есть безмысленный ужасъ и неисцѣлимое зло—это положеніе блестяще доказали и Андреевъ, и Сологубъ. Но, въ то время, какъ первый не видитъ выхода и уже пересталъ искать его, Сологубъ его нашелъ, и уразумѣлъ, и утвердилъ, потому что его точка зрѣнія перешла границы земного и воплотилось въ идею духовнаго безсмертія, то есть въ Вѣчность.

Онъ понялъ, что есть возможность истребить этотъ ужасъ и эту грязь, очистить душу человѣческую силою неизреченнаго свѣта и сдѣлать ее божественно прекрасной. Онъ понялъ, что только въ смерти, то есть, въ вѣчности возможно возрожденіе, и словно волшебный цвѣтокъ выросло среди тины пошлости что то новое, какая то новая, захватывающая мысль, какое то доселѣ неиспытанное блаженство!

Можетъ быть, въ этомъ новомъ сознаніи заложена побѣда! Побѣда человѣка надъ жизнью, безмертія надъ конечнымъ, возрожденія надъ мертвой тоской!

Можетъ быть, близится время, когда кончится эта тоска и безумная мысль о чудѣ озаритъ нашу узкую, маленькую жизнь!

И тому, кто много страдалъ, кого беспочвенная и бессмысленная жизнь одурманила кровавымъ кошмаромъ безконечнаго бреда, тому станетъ понятна вся правда и весь глубокій смыслъ этихъ выстраданныхъ и незабвенныхъ словъ:

„Миръ весь во мнѣ. Поэтому надо обречь его на казнь и себя съ нимъ!“

IV.

„Господа, меня мучаютъ вопросы! Разрѣшите мнѣ ихъ!“—
взываетъ подпольный человѣкъ среди удушья бессонныхъ
ночей, весь истлѣвающій, весь превращенный въ прахъ...
Тамъ, на плоскости жизни эти вопросы разрѣшаются очень
легко, тамъ, среди шума и грохота, и суеты тускнѣть
ужасъ загадокъ жизни, тамъ легче обманывать и обма-
нываться. Но здѣсь, въ черномъ, замурованномъ склепѣ,
гдѣ погасло солнце и тихо истлѣваетъ жизнь, и глухо на-
растаютъ аккорды липкой жути,—здѣсь, въ звонкой и рафи-
нированной тишинѣ эти вопросы выступаютъ съ особенною
четкостью... Они залѣзаютъ въ мозгъ и выпиваютъ медленно,
по каплѣ всю способность мышленія. Здѣсь ужасъ выро-
стаетъ во весь свой сатанинскій ростъ, и кажется, что нѣтъ
ничего, кромѣ ужаса.

Одиночество исключаетъ обманъ, а обманываться самому
какъ то стыдно, нечестно, всякій обманъ, всякая ложь, вся-
кая комедія противны, невыносимы, позорны, и хочется правды,
той абсолютной правды, которая сможетъ принести облегченіе
истрадавшемуся сердцу, которая сможетъ спасти весь міръ!..
Левъ Шестовъ особенно среди всѣхъ героевъ подполья же-
лалъ этой абсолютной, этой единственной правды. Его „во-
просы“ мучили инквизиторски, жестоко, неумолимо, болѣе
того, кромѣ этихъ „вопросовъ“, кромѣ этого отчаяннаго ис-
канія истины, для него ничего не существовало. Въ этомъ

его исканіи есть боль, есть надрывъ, есть какая то изступленность. И странно: онъ ненавидитъ идеалистовъ, а между тѣмъ многіе отличительные атрибуты идеализма въ немъ на лицо: эта безумная влюбленность въ исканіе истины и правды, эта надрывающаяся надежда повѣрить въ Бога, эта заглушенная, вѣчно скрываема любовь къ людямъ и къ жизни!*)

Если нѣтъ въ мірѣ правды, то жизнь ненужна,—вотъ исходная посылка всей философіи Шестова... И онъ сталъ искать эту правду со всѣмъ увлеченіемъ и страстью души. Онъ побывалъ на всѣхъ кладбищахъ Европы, гдѣ спятъ милые покойники,—и прахъ каждаго былъ потревоженъ, и все замѣчательное, все основное, что таилось и въ Шекспирѣ, и въ Нитцше, было выпито до дна... И опять новое присоединилось къ прежней мукѣ и завладѣло Шестовымъ, теперь стали мучить его уже не „вопросы“, а люди, и этими людьми были Нитцше, Толстой и Достоевскій. Въ нихъ онъ надѣялся найти отвѣтъ на вопль всей его жизни, отъ нихъ онъ потребовалъ разъясненія и разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ. Онъ считалъ ихъ своими авторитетами, что, однако, не помѣшало ему подвергнуть строгой критикѣ ученіе каждаго изъ нихъ, критикѣ съ точки зрѣнія абсолютной правды; въ нихъ онъ находилъ себя, свои сомнѣнія, свою боль, они были для него зеркаломъ, въ которомъ онъ увидѣлъ себя...

Еще съ вѣрующимъ, неомраченнымъ сердцемъ, еще безъ мрачнаго обаянія подполья подошелъ онъ къ Толстому.

Великій писатель земли русской, великій философъ и пророкъ, къ которому съѣзжается на поклоненіе весь міръ,—

*) Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Мы хотимъ, чтобы вѣрили такъ, какъ вѣрили первые христіане, когда пытками принуждали къ отреченію отъ Христа, когда наука, искусство, авторитетъ общественной власти,—все было противъ новаго ученія. Только такую вѣру мы цѣнимъ!“ (Шестовъ: „Добро въ ученіи Гр. Толстого и Нитцше“).

казалось Шестову, — *долженъ* былъ обладать той истиной, безъ которой невозможно жить. Но вмѣсто того, чтобы, какъ всѣ, поклониться Толстому и признать его своимъ авторитетомъ, Шестовъ рѣшилъ сначала пропустить его ученіе сквозь призму своей души и увидѣть, и уразумѣть аналитически то, предъ чѣмъ преклоняется міръ...

И не легко далась ему эта работа, не мало терзаній и мучительныхъ сомнѣній было вложено въ эту книгу, которая, какъ все Шестовское, не похожа на книгу въ обычномъ пошломъ смыслѣ этого слова, а — на дневникъ, на повѣсть, на что то свое, глубоко интимное, глубоко выношенное и выстраданное, на что то выросшее изъ души и опьяняющее запахомъ жизни.

Эта книга — „Добро въ ученіи гр. Толстого и Нитцше“..

Толстой нашелъ Бога, Толстой нашелъ основу всей жизни и успокоился, и счастливъ!.. Какъ это странно слышать Шестову — неутомимому мученику правды, такъ ее любящему и такъ боящемуся найти вмѣсто нея призрачную ложь!

И оо страхомъ, съ недоувѣріемъ, съ сильно бьющимся сердцемъ входитъ онъ въ душу Толстого, въ то святое святыхъ, гдѣ рождаются всѣ идеи и всѣ обманы и которое, какъ потомъ скажетъ Шестовъ, стыдно показывать людямъ...

И какъ же онъ отшатнулся отъ своего учителя, какъ замеръ онъ въ отчаяннѣ, когда убѣдился, что этотъ чловѣкъ, великій писатель земли русской, почти святой — такъ же обманываетъ и обманывается, какъ и простые смертные, что его любовь есть плохо скрываемый эгоизмъ, что его Богъ пишется съ маленькой буквы и называется надоѣвшее, плоское, изжитое добро!...

Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ Шестовъ съ горечью и удивленіемъ, — Толстой пишетъ брошюрки о братской любви, а въ „Войнѣ и мирѣ“ съ удовольствіемъ, съ почти инквизи-

торскимъ наслажденьемъ обрекаетъ Соню на тысячи насмѣшекъ и поношеній, называетъ ее, которая вся—преданность и самоотверженіе,—пустоцвѣтомъ и ставитъ ей въ вину отсутствіе эгоизма! (То же и съ Анной Карениной). Толстой говоритъ много о скромности и, какъ истинный христіанинъ,—помнить заповѣдь, чтобы правая рука не вѣдала о томъ, что дѣлаетъ лѣвая, а во время переписи Толстой увидѣлъ несчастную женщину и далъ ей рубль, а потомъ имѣлъ неосторожность высказать свое удовольствіе по этому поводу. „Я далъ ей рубль и помню, что очень былъ радъ, что другіе видѣли это“... А потомъ: „мнѣ такъ пріятно было давать, что я, не разбирая, нужно или ненужно давать,—далъ и старушкѣ“... Это особенно, какъ ударъ обуха по головѣ, поразило Шестова. Онъ не вѣритъ своимъ глазамъ, онъ указываетъ на эти слова Толстого и съ внутреннимъ крикомъ, съ болью, почти со слезами спрашиваетъ:—неужели это правда, неужели Толстому пріятно было, что онъ давалъ и что другіе видѣли это?

Вотъ это то невольное признаніе гр. Толстого послужило Шестову ключемъ къ разгадкѣ внутренняго спокойствія великаго писателя земли русской. Онъ понялъ, что вся эта исторія съ ляпинцами, всѣ эти брошюрки, паханье, возня съ мужичками и тому подобное были нужны Толстому только для себя, для удовлетворенія своего собственнаго эгоизма, для источника своего вдохновенія... Онъ понялъ, что то, что противопоставилъ Толстой ужасу жизни и что люди называютъ „добромъ“, не есть Богъ, не есть истина, не есть разрѣшеніе загадки, а является простымъ средствомъ для самообмана, для тепленькаго собственнаго самолюбованія, какъ жалкій компромиссъ, какъ обыкновенная перчатка, надѣтая впопыхахъ на окровавленную руку...

Онъ понялъ, что горе, развратъ и нужда ляпинцевъ ничуть не измѣнились отъ того, что графу Толстому было

приятно, что онъ давалъ и что восторжествовало въ его философіи „добро“... „Ни одного изъ ляпинцевъ Толстому не удалось спасти“,—говоритъ Шестовъ... И потомъ онъ заявляетъ: „Не смотря на то, что гр. Толстой все время неустанно проповѣдывалъ, обстоятельства не только не измѣнились, но стали еще хуже“...

И Шестовъ съ недоумѣніемъ, съ той чарующей наивностью, съ той искренней простотой, которая встрѣчается только у него одного, спрашиваетъ: *„Какъ можетъ такой человекъ, какъ гр. Толстой, жить, если на ряду съ нимъ существуютъ обитатели ночлежныхъ домовъ? Хорошо тѣмъ, которые никогда не открывали глаза на эти ужасы. Но какъ быть тому, кто ихъ не можетъ забыть, не хочетъ, не долженъ забыть? Можно ихъ забыть!“* *).

Итакъ, мораль не оправдала надеждъ Шестова; въ ней онъ нашелъ только самоизвиняющійся, мелкій эгоизмъ, только обычное бѣгство отъ жизни...

И съ той поры мораль подверглась жестокимъ насмѣшкамъ со стороны Шестова. Онъ выскивалъ, высмѣивалъ ее всюду, онъ не прощалъ никому, кто возносилъ ее на пьедесталь, онъ проклиналъ и оплевывалъ ее неутомимо, со страстью, съ бѣшенствомъ, съ ироніей, словно хотѣлъ отомстить ей за тѣ минуты, когда онъ готовъ былъ уже сдѣлаться ея рабомъ, за тѣ безсонныя ночи и мученья, когда онъ протягивалъ къ ней свои руки, какъ къ единственному спасенію!

Добро не есть правда и не есть вѣра, та вѣра, которой жаждетъ, которую ищетъ Шестовъ. Добро не можетъ ни на іоту измѣнить обстоятельствъ жизни, не можетъ уничтожить ея ужаса и обмана, не можетъ успокоить душу обманутую, обиженную и замученную, не можетъ искупить каждой жертвы исторіи, не можетъ искупить смерти!

А если такъ, то добро не нужно. *„Нужно искать того, что выше добра и выше состраданья, нужно искать Бога!...“*

И Шестовъ сталъ искать своего Бога... Промежутокъ между этой книгой и книгой о Достоевскомъ и Нитцше, повидимому, весь ушелъ на это исканіе. По крайней мѣрѣ, въ этой послѣдней книгѣ Шестовъ уже является съ искаженнымъ, перекошеннымъ лицомъ, потемнѣвшимъ отъ страданья, со словами о зловѣщей прелести подполья, съ терминомъ „философія трагедіи“... А это значить, что онъ дѣйствительно искалъ Бога!.. Вѣдь только Богъ можетъ вложить въ душу такую боль и такой хаосъ сомнѣній, вѣдь только Богъ можетъ сдѣлать лицо человѣка измѣненнымъ до неузнаваемости, трагически перекошеннымъ, облитымъ черными струями злобы, отчаянья, ироніи!..

И какое же должно было быть это отчаянье, если за этотъ двухлѣтній промежутокъ времени онъ не написалъ ни одной книги!.. Книги, вообще, пишутся тогда, когда *можно* обманывать себя блѣдными, надобными словами... Для великой боли (а исканіе Бога и есть эта великая боль) нѣтъ на человѣческомъ языкѣ выраженія, нѣтъ „литературы“, нѣтъ искусства, нѣтъ самообмана... Объ этомъ знаютъ только четыре стѣны подполья... Ибо, если бы кто нибудь рѣшился выразить эту боль (если бы нашелся такой геній), эту великую правду, то ему суждено было бы испытать, какъ и Христу, величайшій позоръ и распятые, потому что ничто въ мірѣ не возмущаетъ такъ людей, какъ геніально выраженная правда.

Итакъ, объ этомъ періодѣ души Шестова, періодѣ самомъ интересномъ, гдѣ нѣтъ словъ, гдѣ есть только музыка переживаній,—мы можемъ лишь догадываться. А что онъ былъ дѣйствительно ужасенъ, объ этомъ свидѣлствуютъ дошедшія до насъ его тѣни, отраженныя въ книгѣ о Достоевскомъ и Нитцше и въ „Апоѳеозѣ беспочвенности“... Но самое яркое свидѣтельство—это тотъ фактъ, что въ этотъ промежутокъ времени не было ничего написано...

„Философія трагедіи,—не значитъ ли это философія безнадежности, отчаянія, безумія, даже смерти. Можетъ ли быть тутъ рѣчь о какой бы то ни было философіи?...

„У насъ остались всѣ не имѣющіе земныхъ надеждъ, всѣ отчаявшіеся, всѣ обезумѣвшіе отъ ужасовъ жизни. Что дѣлать съ ними? Кто возьметъ на себя нечеловѣческую обязанность зарыть въ землю этихъ?“ („Достоевскій и Нитцше“ стр. 2*).

Въ этихъ словахъ Шестова намѣчается вся программа его послѣдующаго творчества, въ нихъ—остовъ всей его книги о Достоевскомъ и Нитцше.

И они больше говорятъ намъ, чѣмъ цѣлая книга, въ нихъ пробилось то скрываемое, заглушаемое, что родило философію трагедіи...

Отчаянье—безграничное, безумное, кровавое отчаянье,—вотъ результатъ поисковъ Бога!...

Люди искренніе боятся говорить объ этомъ, люди замкнутые раздражаются въ этихъ случаяхъ цѣлымъ потокомъ словъ или какимъ нибудь хитросплетеннымъ міровоззрѣніемъ, что въ сущности одно и то же. И нужно быть очень смѣлымъ, чтобы признаться, да еще признаться въ книжкѣ, что Бога нѣтъ, что существуетъ только безконечное, страшное стремленіе къ его отысканію и что человѣкъ самъ можетъ создать себѣ Бога, если на то ужъ пошло, если ему непремѣнно, во чтобы то ни стало нуженъ обманъ... Ну, а если не можетъ, если у него хватило смѣлости говорить правду, если онъ не можетъ жить безъ этой правды и въ то же время не можетъ жить безъ Бога, если онъ хочетъ возвратитъ билетъ этому невѣдомому Богу, если въ душу его глянула безнадежность, что тогда?... Остается одно—подполье...

Нужно было Шестову сродниться съ душой Достоевскаго, чтобы сойти въ подполье, чтобы принять его. Нужно

*) Курсивъ мой. А. З.

было много уразумѣть скрытыхъ и жуткихъ сторонъ его, нужно было хоронить въ себѣ міръ, то есть всякую пошлость и середину, нормальность, категорическій императивъ и всевозможныя „идеи“... И эта работа, какъ и все у него, не обошлась безъ боли... Ибо, когда Шестовъ разрушаетъ и хоронитъ міръ, чтобы сойти въ подполье,—ему жалко, жалко и этого міра, и людей, и даже маленькаго, приплюснутаго, толстовскаго добра!...

Но ясно, что нужно разрушить обыденщину и все, что заключается въ ней. Ясно, что уже нечѣмъ жить, что просятся въ душу какія то странныя, какія то необычныя мысли, даже не мысли, а аккорды, звуки, мелодіи, настроенія, ясно, что нужно изъ этихъ звуковъ создать что то новое, что то сверхміровое, какое то дерзкое и геніальное самоутвержденіе, какой то свой, единственный, черный, угрюмый и зловѣщій храмъ!... Теперь стало понятно, что если Бога нѣтъ, то нужно мстить; если за каждую жертву исторіи нѣтъ отвѣта, то нужно смѣяться, дьявольски, страшно, надорванно смѣяться; что, если не разъясненъ фактъ смерти Ивана Ильича, то „мы не только не желаемъ лѣзть на верхнюю ступень развитія, но наоборотъ, готовы броситься внизъ головой, если намъ не отвѣтятъ за Ивана Ильича!“

Подполье построено... Мелькаютъ въ глубокой тишинѣ тускляя свѣчи безсилія. Сверху давитъ оставленный міръ... Но теперь его ужъ не жалко... Ибо нѣтъ въ мірѣ такого существа, которое бы поняло то великое отчаянье, то страшное состояніе, когда у человѣка ушла изъ подъ ногъ почва... Ибо „если бы къ Достоевскому пришелъ человѣкъ и сказалъ о себѣ, что онъ безнадежно несчастенъ, великій художникъ людскаго горя, вѣроятно, въ глубинѣ души хохоталъ бы надъ нимъ и его наивностью. Развѣ можно сознаваться людямъ въ такихъ вещахъ? Развѣ можно *такъ* жаловаться и ждать все таки утѣшенія отъ ближнихъ?“ (Апофеозъ безпочв., стр. 76).

Пусть же торжествуетъ подполье, такъ какъ „безнадежность—торжественнѣйшій и величайшій моментъ въ нашей жизни. До сихъ поръ намъ помогали,—теперь мы предоставлены только себѣ. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ людьми и человѣческими законами, теперь—съ вѣчностью и отсутствіемъ всякихъ законовъ. Какъ можно не знать этого?“ („Ап. безпочв.“, 77).

Такъ создавался „Апееозъ безпочвенности“—самая яркая и самая выстрадавшая книга Шестова, книга удивительная и единственная въ своемъ родѣ, книга не написанная, а вырванная изъ души, книга по ошибкѣ напечатанная, книга опасная!

Искусство, какъ и всякая дисциплина, имѣетъ свои правила, и книги должны быть написаны по этимъ правиламъ, и горе тому, кто рѣшится ихъ преступить! Шестовъ былъ, можетъ быть, единственнымъ писателемъ въ Россіи, который пошелъ противъ этихъ правилъ и вмѣсто шаблонно сработанной книги бросилъ на книжный рынокъ всю свою душу, безъ всякихъ одеждъ, безъ всякихъ рамокъ и пошлостей, такую, какою она вылилась въ его звукахъ (ибо его афоризмы не что иное, какъ музыка), такую, какою она мучила его, терзала, изводила, кровавила, отравляла минуты подполья!

Ее невозможно читать безъ боли. Въ ней бродить что то опьяняющее, что то чарующее невѣдомой Тайной и такое жуткое, и такое большое, и такое отчаянное! Въ ней на каждой страницѣ—удивительная глубь и бѣглыя тѣни какихъ то новыхъ, и страшныхъ, и дорогихъ предчувствій. Въ ней встрѣчаются непроходимыя чащи загадочного и сверхнормального, въ ней кого то больного и дивно прекраснаго, и такого роднаго, такого усталаго распяли на черномъ, безобразномъ крестѣ, и все лицо въ судорогахъ эпилептического надрыва, и капли кроваваго пота падаютъ въ

глубь вдохновенія, и вотъ расцвѣтають жуткіе звуки, злые и ядовитые цвѣты таинственной и манящей Ночи!...

Есть въ этой книгѣ афоризмъ о величайшемъ искушеніи. „Въ великомъ Инквизиторѣ Достоевскаго кроется ужасная мысль. Кто можетъ быть увѣренъ, — говоритъ онъ, — иносказательно, конечно, что распятому Христу, когда онъ произносилъ свои слова „Господи, отчего ты покинулъ меня?“, не вспомнились слова злого духа, предлагавшаго ему за одинъ поклонъ власть надъ все́мъ міромъ, и что, вспомнивши о нихъ, онъ не раскаялся, что не принялъ предложенія сатаны? О такихъ искушеніяхъ можно было бы и не рассказывать читателямъ! („Апоѳ. безп.“, 105). Это характерно вообще для всей книги. Ибо въ ней что афоризмъ, то какое нибудь изъ рукъ вонъ выходящее искушеніе, искушеніе, заставляющее глубоко призадуматься, искушеніе, отравляющее душу злыми и ядовитыми чарами.

Откуда это? — думаетъ удивленный читатель, — какъ можно *такъ* писать? И кто далъ этому человѣку право такъ проклинать, такъ оплевывать, такъ расшатывать наши нерушимые и такіе нужные устои? (Послѣднее обыкновенно любятъ замѣчать идеалисты).

Подполье! — отвѣчаемъ мы. *Подполье дало ему это право!* Въ подпольѣ нѣтъ жизни, нѣтъ пошлости, нѣтъ грязи. Тамъ царить такая тишина, отъ которой гложетъ человѣкъ, тамъ обида, міровая обида, страшная, непростительная обида вырастаетъ огромнымъ, тяжелымъ камнемъ кошмара, и этотъ камень въ длинныя, безотвѣтныя, ужасныя ночи падаетъ на душу и сплющиваетъ ее, и терзаетъ, и мѣситъ, и ранить, и гудить въ ушахъ придушеннымъ, хриплымъ хохотомъ, и проходить сквозь нѣжность душевной тайны раскаленнымъ колесомъ уже не боли, а какого то чаднаго, сладострастнаго издѣвательства, и вся жизнь вливается въ мозгъ омерзительной, склизкой пьявкой и точить, и сосеть безъ конца, и гдѣ

же силы, чтобы вырвать ее из души, из разума, из памяти и гдѣ возможность, и гдѣ средство, чтобы уничтожить ее, не повредивъ мозговой оболочки?! И развѣ чловѣкъ, испытавшій все это, не имѣетъ права проклинать и высмѣивать ваши устои, развѣ можетъ, развѣ смѣетъ онъ примириться хотя бы съ однимъ изъ нихъ, развѣ сила этого страданья, отравы его, красота его не дана ему для того, чтобы разрушить и сжечь вашъ солнечный, глупый и мерзкій міръ?

И Шестовъ его разрушаетъ! Дерзко, властно, кошмарно, самозабвенно разрушаетъ! Изъ черныхъ подваловъ, изъ отрадной и болящей тюрьмы своей выпускаетъ ядовитыя стрѣлы желчи и сарказма, и отъ нихъ цѣлые лѣса „идей“ и „цѣнностей“ разлетаются въ прахъ.

И словно присутствуешь на великихъ похоронахъ міра. Ибо, въ сущности, не одинъ Шестовъ разрушаетъ: разрушаемъ и смѣемся, разрушая, всѣ мы—живые мертвецы обыденщины, жалкія жертвы, „бабищи дебелой и румяной“...

Разрушаемъ и священнодѣйствуемъ. Приносимъ въ жертву не одинъ императивъ, не одно убѣжденіе, не одну „идею“, сжигаемъ на кострѣ великаго пожара надѣвшія тѣни жизни, чтобы вкусить изъ чаши радостнаго причастья, новаго, неизвѣданнаго причастья абсолютной свободы!

Изъ черной дали, какъ призракъ, какъ сонъ, вырастаетъ лицо Кириллова... Безумное лицо, сладостно, блаженно безумное, какъ на картинахъ Врубеля, вслушанное въ какую то свою, гениальную мысль, озаренное чернымъ пламенемъ ночи...

Вотъ онъ переплетается среди афоризмовъ Шестова, вотъ его краткія, странныя рѣчи сквозятъ сквозь музыку проклятья и боли... Ибо Кирилловъ не нашелъ Бога, и сталъ самъ Богомъ, и убилъ себя, и разрушилъ міръ... Не то же ли и Шестовъ? Развѣ „Апоѳеозъ беспочвенности“ не есть самоубійство, можетъ быть даже болѣе жестокое, нежели са-

моубійство Кириллова? Развѣ послѣ „Апоѳеоза безпочвенности“ можно жить? Развѣ можно вѣрить, развѣ можно желать? Тамъ, въ комнаткѣ Шатова, быстрыми шагами ходилъ Кирилловъ и говорилъ свои свои свято—безумныя слова:

„Я обязанъ невѣріе заявить. Для меня нѣтъ выше идеи, что Бога нѣтъ. За меня вся человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ, что выдумывалъ Бога, чтобы жить, не убивая себя, въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога.

„...Я не понимаю, какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать, что нѣтъ Бога, и не убить себя тотчасъ же? Сознать, что нѣтъ Бога, и не сознать въ тотъ же часъ, что самъ богомъ сталъ,—есть нелѣпость, иначе непременно убьешь себя самъ. Если сознаешь—ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ, кто первый, долженъ убить себя самъ непременно, иначе кто же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволие. Всѣ несчастны, потому что всѣ боятся заявить своеволие.

„...Страхъ есть проклятіе человѣка. Но я заявлю своеволие, я обязанъ увѣровать, что не вѣрую. Я начну и кончу, и дверь отворю. И спасу!...“

Шестовъ повторяетъ то же. Каждая страница „Апоѳеоза безпочвенности“ есть великое разрушеніе и великое самоубійство, каждая страница поражаетъ этимъ лихорадочнымъ желаніемъ поскорѣ разрушить, поскорѣ забыться, поскорѣ погибнуть!

Но во имя чего?—спросятъ со стороны... Да, во имя чего?.. Вотъ вопросъ, котораго такъ боится Шестовъ, который всегда у него остается безъ отвѣта. Вопросъ Пилата „Что есть истина?“ остался безъ отвѣта, даже Христосъ не

могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мучительный вопросъ всей нашей жизни!

Шестовъ столько разъ подходилъ къ нему, столько разъ пробовалъ отвѣтить, и всегда умолкалъ: кружилась голова... Ибо зналъ, что, если отвѣтить,—сдѣлается рабомъ „идеи“, а вѣдь нѣтъ для него большаго въ мѣрѣ позора!.. Одинъ разъ онъ буквально повторяетъ слова Достоевскаго, другой разъ, въ предисловіи къ „Началамъ и Концамъ“, онъ говоритъ: „среди людей уже съ древнихъ временъ укоренилась прочная вѣра, что истина страшна и что ее нужно всячески избѣгать“.

„...Если мы присмотримся къ современнымъ религіознымъ людямъ, мы убѣдимся, что и они большей частью боятся истины и избѣгаютъ ее и *потому* вѣрятъ!..“

Пусть же торжествуетъ подполье! Только оно не обманетъ, только оно спасаетъ отъ всякихъ истинъ, отъ всякой лжи, ибо подполье—это наша душа, погруженная въ вѣчность, это наша боль, наша тоска, которую мы любимъ, это нашъ жуткій, нарождающійся мѣръ, гдѣ потухла причина обмана—солнце и свѣтъ.

И когда говоритъ Шестовъ о подпольѣ, что то глубоко прочувствованное рыдаетъ въ его словахъ, какая то глухая вѣра въ возможность чуда среди развалинъ міра, въ безконечной и мрачной Ночи...

„...Ночь, темная, глухая, непроглядная, населенная ужасами ночь—не кажется ли она вамъ иногда безконечно прекрасной? И не манитъ ли она васъ своей тихой, но таинственной красотой больше, чѣмъ ограниченный и крикливый день? Кажется—еще немного и человѣкъ почувствуетъ, что та же непонятная, но заботливая сила, которая выбросила насъ въ этотъ мѣръ и научила насъ какъ растенія, тянуться къ свѣту, постепенно приготавливая насъ къ свободной жизни, переводитъ насъ въ новую сферу, гдѣ насъ ждетъ новая жизнь съ ея новыми богатствами. И быть можетъ недалеко

то время, когда вдохновенный поэтъ, въ послѣдній разъ окинувъ прощальнымъ взоромъ свое прошлое, смѣло и радостно воскликнетъ:

— „Да скроется солнце, да здравствуетъ тьма!“ („Апов. безпочв.“).

Врядъ ли кто съ такой силой, съ такой яркостью и вдохновеніемъ воспѣвалъ подполье!

Врядъ ли кто, кромѣ, впрочемъ, Константина Леонтьева, съ такою вѣрою шелъ навстрѣчу новому черному солнцу! И что можетъ дать сердцу послѣ страстныхъ очарованій ночи глупое лицо дня съ его философій, съ его исканіями, съ его ненужной и проклятой жизнью?

А все же Шестовъ не отдался всецѣло Ночи. Ибо отдаться всецѣло—значило бы ничего не дѣлать, умереть, уснуть... Онъ какъ и всегда побоялся обмана, побоялся, что „сонъ видѣнья могутъ посѣтить“, и снова пошелъ по стоптанной дорожкѣ исканій съ жадностью подбирая по пути гениальныя мысли и ехидно посмѣиваясь, со страхомъ и тоскою залѣзая снова въ душу Толстого, Ибсена, В. Джемса, съ страстно скрываемою надеждой что то узнать, во что то повѣрить... Но вѣдь все это напрасно... Все это такъ ненужно, такъ старо, такъ надоѣло...

Ибо, въ сущности, вопросъ вращается около того, что уже похоронено, около возможности найти истину.

Но вѣдь самъ же Шестовъ сказалъ: „Не есть ли самое понятіе объ истинѣ, самое предположеніе объ ея возможности лишь результатъ ограниченности нашей?..“ Болѣе того, вся его философія, всѣ его исканія пришли къ тому же выводу.

Зачѣмъ же тогда возвращаться къ старому, зачѣмъ заниматься исканіемъ ненужной истины, т. е., по словамъ Достоевскаго,—зачѣмъ переливать изъ пустого въ порожнее? Вотъ Анатолий Франсъ это понималъ, а Шестовъ нѣтъ и не хочетъ понять. Ан. Франсъ однажды такъ публично и за-

явилъ, ничтоже сумняшеся: „невѣжество—необходимое условіе, я не скажу счастья, но самаго существованія. Если бы мы все знали, то и одного часа не могли бы выносить жизнь. Тѣ чувства, которыя дѣлають ее пріятной или, по крайней мѣрѣ, сносной, рождаются изъ лжи и питаются призраками.

„Еслибы человекъ, обладающій, подобно Богу, истинной; нечаянно уронилъ ее, то ея паденіе уничтожило бы земной шаръ и разсыпало бы какъ легкую тѣнь всю вселенную. Божественная правда, какъ последнее пришествіе,—обратили бы міръ въ прахъ!“ *). (Анатолий Франсъ „Садъ Эпикура“). Искать—значить думать и думать, конечно, логически... Но вѣдь Шестовъ говоритъ, что „можетъ быть думать вовсе не слѣдуетъ“ и что всякую логику нужно послать къ черту!. А кто знаетъ, можетъ быть истина и есть продуктъ здороваго, логическаго мышленія, а для аномальнаго, интуитивнаго мышленія, сторонникомъ котораго является Шестовъ, истина вовсе и не нужна?

Тогда зачѣмъ же хлопотать попустому? Зачѣмъ и для чего продолжать эту ужасную пытку логическаго мышленія? Не лучше ли глубоко, навсегда погрузиться въ подполье и любить свою боль, и этою болью побѣдить міръ?! Не лучше ли навсегда отдаться беспощадной мести, мести, выворачивающей всю душу, поражающей мозгъ, превращающей жизнь въ океанъ безграничнаго, кошмарнаго бреда?!

А Шестовъ знаетъ цѣну и обаяніе всего этого, у него по этому поводу есть замѣчательное изреченіе, которое можно поставить эпиграфомъ ко всему его творчеству:

„Пусть съ ужасомъ отшатнутся отъ насъ будущія поколѣнія, пусть исторія заклеитъ наши имена, какъ имена измѣнниковъ человѣческому дѣлу,—мы все таки будемъ слагать гимны уродству, разрушенью, безумію, хаосу, тьмѣ! А тамъ хоть трава не расти!“. („Апофеозъ безпоч.“, 158).

*) Курсивъ мой. А. З.

V.

Жизнь есть боль, жизнь есть страх,—говорит Достоевскій устами Кириллова. И это у него искренно; это можетъ быть единственное искреннее у него признаніе. Рѣдко оно у него пробивалось наружу, зато все написанное имъ тяжѣетъ внутренне этимъ признаніемъ. Ибо есть слова у писателей внутреннія и внѣшнія. Внѣшнія тогда, когда человѣкъ добивается такъ называемой „гармоніи“ цѣною самоограниченія или цѣною недалекой посредственности, и отъ этихъ словъ ни тепло, ни холодно, и появляются они на свѣтъ Божій неизвѣстно зачѣмъ. Но есть слова, напоенныя болью, крикомъ души, слезами, отчаяньемъ—слова одинокія и такія несчастныя, такія неожиданныя, и если въ нихъ выльется вся жизнь человѣческая, если они смогутъ влить въ сердце отраву пьянящую, и боль томительную, то цѣль искусства достигнута. Можетъ быть, эту то цѣль Достоевскій и видѣлъ предъ собою всю свою жизнь. Можетъ быть, въ ту минуту, передъ казнью, когда рѣшалась его судьба,—онъ умолялъ Бога дать ему сверхчеловѣческую силу для того, чтобы сказать людямъ страшный ужасъ и страшное проклятье. Можетъ быть, онъ потомъ и повѣрилъ въ Бога въ благодарность за предоставленную ему вмѣстѣ съ жизнью эту сверхъестественную силу, силу разрушать ужасомъ и проклятіемъ человѣческую „гармонію“... Можетъ быть, для этого только

онъ и писалъ, и жилъ. А онъ видѣлъ то, что не каждому дано видѣть. Предъ нимъ разверзлась тайная бездна жизни и обнажила самое сокровенное свое, самое великое, самое главное, тотъ нервъ жизни, гдѣ сходятся всѣ узлы и дни, и время, и пространство, то мѣсто, гдѣ все зарождается. Кто знаетъ, можетъ быть это случилось именно въ ту минуту, передъ казнью, когда жизнь висѣла на волоскѣ. Оттуда то онъ вынесъ убѣжденіе, что причина сознанія есть великая боль. А послѣ этого трудно уже требовать отъ человѣка „гармоніи“. Вся жизнь, все существо очутилось въ кошмарности и изъ нея родилось творчество. Весь міръ потонулъ въ хаосѣ боли и ужаса, а разумъ... Разумъ отступилъ на второй планъ. Ибо тамъ, гдѣ носятъ крестъ, и гдѣ молятся, и гдѣ проклинаяютъ, разсудка нѣтъ и не можетъ быть, а есть только одно окровавленное сердце. И каждый актъ творчества есть терзаніе этого сердца, и чѣмъ больше пишешь, тѣмъ больше и сильнѣе невольная, истомляющая, расслабляющая мука, и все писаніе есть добываніе ея посредствомъ эпилептическихъ надрывовъ. Вотъ тайна творчества Достоевскаго. И когда мечется Раскольниковъ въ аду чаднаго безумія дней, непохожихъ на дни, и когда хохочутъ и плачутъ, и надрываются, и сходятъ съ ума, и суетятся съ какимъ то тоскливымъ бѣшенствомъ, и когда Ставрогинъ откусываетъ ухо у губернатора, когда Лиза смѣется и мелькаютъ въ ея смѣхѣ трагическіе отзвуки безумія,—мы знаемъ причину всего этого, мы знаемъ, откуда оно и гдѣ зародилось... Мы понимаемъ тогда, что „жизнь есть боль, жизнь есть страхъ“. У Достоевскаго все построено на этомъ переживаніи. У него хаосъ и разрушеніе создають нѣчто вродѣ гашишнаго опьяненія, которымъ пропитана каждая страница, и пьянѣешь, читая, и кружится все, пламенѣетъ, багровѣетъ, уходитъ, застываетъ, приходитъ, плещетъ въ душу расплавленнымъ оловомъ тяжести огромной, непобѣ-

димой, вѣчной. Оно родиться могло только въ подпольѣ. Ибо здѣсь начало трагедіи, здѣсь она зрѣетъ въ великомъ молчаніи и разбухаетъ въ мозгу въ цѣлую катастрофу, которую только безуміе можетъ вынести на свѣтъ Божій и показать людямъ.

Алексѣй Ремизовъ напечаталъ „Прудъ“ (правда, не-легко удалось ему это) и сдѣлалъ большую ошибку, вынесъ свое безуміе кошмарное и показалъ его людямъ. И нѣжно-интимный, священно-выстраданный, кровавый „Прудъ“ въ видѣ книги окунулся въ человѣческую пошлость и замеръ, и задрожалъ, и зарыдалъ въ грязныхъ рукахъ филистеровъ. Не должно, да и нельзя „читать“ „Прудъ“, его можно только переживать и, переживая, любить или ненавидѣть. А у насъ никто не понялъ его, ни въ публикѣ, ни въ критикѣ, не понялъ его безумной обнаженности, его оторванности отъ такъ называемой литературы, его глубокости, его интимности... Здѣсь талантъ, глубокій талантъ, несмотря на его слишкомъ тѣсную зависимость отъ Достоевскаго, переросъ традиціи искусства, вслѣдствіе чего то, что должно было стать искусствомъ, не сдѣлалось имъ, а стало чѣмъ то инымъ, можетъ быть большимъ и гораздо важнѣйшимъ, чѣмъ искусство, стало воплемъ прокаженного сердца, стало второю жизнью, стало истомленно-безумнымъ и безстыдно-интимнымъ письмомъ къ кому то далекому, святому, все-сильному, единственному. И теперь совѣстно читать его, чувствуешь, что не имѣешь права, а у идеалиста, пожалуй, явится даже желаніе „приласкать и утѣшить“ автора!.. Вотъ къ чему приводитъ иногда напечатаніе подпольной книги...

И Ремизовъ понялъ свою ошибку, послѣ „Пруда“ онъ, какъ будто желая извиниться передъ публикой, сталъ уже писать не для себя, а для нея, сталъ писать утомительно скучныя и пенужныя книги, пахнуція мертвечиной и под-

дѣльной бойкостью, и всѣ эти „Посолони“, „Лимонари“, всѣ эти старыя погудки на новый ладъ, все это паясничанье и поддѣльванье подъ „дѣтскость“, вся эта эстетическая чепуха совершенно стерла съ литературной книги истиннаго Ремизова, того, что въ „Прудѣ“, того глубокаго и серьезнаго, что — въ подпольѣ.

На „Прудъ“ не обратили вниманія, а онъ одинъ и стоитъ того, чтобы говорить о Ремизовѣ, онъ исключаетъ все написанное имъ, ибо только въ немъ — положительное у этого писателя. Поэтому я буду говорить только о „Прудѣ“.

Говорять, онъ отъ Пшыбышевскаго. По моему, только слогъ „Пруда“ слегка напоминаетъ польскаго писателя, да и то въ очень измѣненномъ видѣ, а что до остальнаго, то Пшыбышевскій даже и не понялъ бы всего этого.

Такъ здѣсь все свое до мельчайшихъ подробностей, такъ все вылилось изъ одной душевной тайны, такъ все проникнуто своими оригинальными замыслами и стремленіями.

Изъ сѣрой паутины подполья высучивается эта жизнь, эта съ самаго начала замученная и поруганная жизнь. Ибо въ подпольѣ она вынашивалась и оформлялась, въ подпольѣ раздувался огонь ея, сила ея, вопль ея...

И когда растеть душа — все вокругъ такое липкое и жгучее, сѣрое и мутное, грязное и развратное, все то, что составляетъ фонъ. Самъ дьяволъ рисуетъ этотъ фонъ, не тотъ оперный дьяволъ, что потомъ появится въ сказкахъ Ремизова, а подлинный дьяволъ изъ „Записокъ изъ подполья“. Страшный и невидимый, тотъ джентльменъ, который убѣждаетъ человѣка бросить все благоразуміе прахомъ единственно для того, чтобы по своей глупой волѣ пожить!

И не красками рисуетъ дьяволъ весь этотъ фонъ, всю эту жизнь, не красками, а кровью и грязью, что составляетъ квинтъ-эссенцію сущаго, вотъ почему эти лица какъ пепельно-сѣрыя струпья на румянѣ и дебеломъ лицѣ

жизни, вотъ почему эти слова, эти звукися—вздувшія'пьявки, которыхъ нельзя оторвать отъ сердца, вотъ почему темпъ всего этого—какъ пискъ гармоникѣ въ воскресный день, когда рвутся всѣ струны и хрипота удушья убиваетъ и мучить!.. И откуда то, какъ визгъ метели, ворвался чадный аккордъ—лейтъ-мотивъ, весь—ужасъ, весь—хаосъ, весь—хочотъ, закружилъ, взбаламутилъ, охнулъ, подбросилъ, грянулъ... и закачалось сознание, и пошла мысль отплясывать какой то дикій танецъ, и закружились всѣ черты міра, завертѣлись—исчезли... вотъ мелькаютъ одни только огненные пятна, одни только пламенные языки лижутъ раскаленный мозгъ и кричить, стонеть что то—что то родное, единственное, воесть, жалуется, визжитъ, плачетъ, и нервы рвутся и скользкія, зловѣще голая вѣтви осеннихъ деревьевъ хлещутъ, бьютъ, издѣваются и ночь—темная, злая; свиститъ заиндѣвѣвшій, вздувшійся планъ ночи и сыплеть мразью колючей въ глаза, и свѣта не видно, и безумно... и сквозь твердую темь сверкнуло бѣлое, бѣлое, развратно измученное лицо Николая и зануло, забилось, рассыпалось. А вотъ снова блеснуло... А вотъ превратилось въ сердце, въ огромное, измученное, заслонившее собою весь міръ, сердце, и тогда тысячи иглъ, тысячи когтей, тысячи плевковъ, проклятій, кулаковъ сжатыхъ и угрожающихъ, масокъ почернѣвшихъ отъ злобы, тысячи изгибовъ обнаженныхъ, блаженно безумныхъ женскихъ тѣлъ, тысячи проклятій, издѣвательствъ, насилій обрушилось на это сердце и превратилось оно въ сплошной ужасъ, брызжущій во всѣ стороны фонтанами черной крови, и почернѣлъ весь міръ и умеръ Богъ, умерло солнце и глубокій колодезь подполья съ проклятьемъ проглотилъ всю душу, всѣ мысли, всю тоску...

„Крылья мои... Крылья мои бѣлыя, тяжелыя вы въ слипшихся комкахъ кровавой грязи...

Земля обѣтованная...“

И сквозь пошлую подлость жизни купеческой—жизнь монастырская. Мрачный Андроніевъ монастырь, гдѣ барахтаются пьяные, наглые, развратные монахи... Это они „воспитали“ душу Николая, это они, такъ близко отъ Бога, спаивали водкой и учили тайнымъ порокамъ, это они погасили послѣднюю надежду, послѣдній свѣтъ.

Вспухшее отъ пьянства лицо матери—Варвары Финогеновой. Вся она, какъ воплощенный надтреснутый ужасъ земли, ходитъ по комнатамъ, по большимъ, угрюмымъ, холоднымъ комнатамъ Финогеновыхъ, какъ сама безнадежность, и лицо вспухшее, и звенять всплескомъ усталости пустяя бутылки. Вся она выпитая, заласканная, насильно выпитая. „На ней лежалъ, такъ казалось ей, много больше ея роста деревянный темный крестъ, обшитый неровной, зазубренной жестью, и тяжесть креста, насѣдая, приплюскивала ея тѣло и острый гвоздь ходилъ и царапалъ темя.—Монахъ съ красивымъ лицомъ и разсѣченной бровью, изъ которой тихо капля за каплей сочилась густая, темная кровь, монахъ въ ярко-зеленой шуршащей, шелковой рясѣ, минуту назадъ мирно державшій этотъ крестъ, вдругъ изогнулся весь и бросился на Вареньку. И она бѣжала по комнатѣ, и монахъ пропадалъ и появлялся, и настигалъ и хваталъ ее...“

И въ ту ночь, когда родился Христосъ, она повѣсилась. И когда повѣсилась,—что то скользкое, невыносимо черное грянуло въ эту безумно надрывающуюся лирику слога и словно отравило ее, и вотъ уже не звуки, а цѣлая тишина ночи распята и воетъ, и липко лижетъ, и страстно рыдаетъ, и дѣти—испуганныя, дрожація дѣти срывають мать съ петли и копошатся, роятся, визжать, царапаются, надрываются въ ея мертвомъ, безстыдно усталомъ тѣлѣ...

И тишина рыдаетъ...

„Проклятіе—царство мое. Царство мое одиноко“

Люди и дѣти, и звѣри мимо проходятъ, мимо проходятъ скорчась, со страхомъ.

Я кинулся въ волны, въ волны земныя.

Ты мнѣ отвѣтишь.

Ты сохранила образъ мой странный и зовъ въ поцѣлуѣ?...“

Таня... словно икона въ бреду раскаленномъ. Словно бѣлая лилія... Одинъ разъ, можетъ быть, потянулась душа къ свѣту, но поняла, но услышала томный голосъ Дьявола о томъ, что только тьма—прибѣжище, только тьма—поцѣлуй забвенный, только въ ней стираются когти ужаса жизни... Скорбящая, бѣленькая Таня, нелѣпо, неуклюже изнасилованная. И тогда разверзлась бездна.

„...И то, что было грѣхомъ и преступленіемъ, не было теперь грѣхомъ, преступленіемъ, а было пышными кострами, прожигающими міры до ихъ пуповинъ, лабиринтными путями въ лоно нечеловѣческихъ тайнъ—и то, что вѣнчалось красотой и святостью, страшило своей чудовищностью и безобразіемъ и трусостью и наглымъ лицемѣріемъ,—и хаосъ распускался въ созвѣздія—и добро мѣнялось трономъ со зломъ—и тамъ, гдѣ низвергались боги и потѣшались въ святотатственныхъ оргіяхъ темныя силы, взирало око Бога,—и тамъ, гдѣ возносились славословія, хохоталъ Дьяволъ...“

А вотъ—тюрьма. Тюрьма и подполье—они всегда вмѣстѣ. Въ тюрьмѣ Достоевскій взлелѣялъ образъ подполья, образъ Дьявола, хаоса и разрушенія, въ тюрьмѣ, въ долгія желѣзныя ночи, среди человѣческой вони, человѣческихъ насѣкомыхъ и человѣческой гадости и порочности увидѣлъ истинную душу міра, увидѣлъ изнанку, оборотную сторону медали, которую такъ любятъ прятать всякіе идеализмы отъ человѣческихъ глазъ—и тамъ засмѣялся впервые, засмѣялся

въ припадкѣ эпилепсіи, засмѣялся черными своими, жуткими, безумными глазами, засмѣялся и проклялъ, и поклялся распять этотъ міръ цѣною своего страданья, своей крови, своего генія, распять и замучить такъ, какъ жизнь распяла его душу. И онъ мучить и будетъ мучить вѣчно. Его книги читаются „для пользы и для развлеченья“, но это отъ нихъ колотится сердце въ панической жути и мурашки ползаютъ по кожѣ, это отъ нихъ занимается пламя кошмарное, жаркое, невыносимое, это отъ нихъ въ чадномъ забвеніи вырастаетъ дьявольскій ликъ и пьеть наше сердце острыми хлебками.

Онъ можетъ сказать „Мнѣ отмщеніе, и азъ воздамъ!“

Ремизовъ учился у Достоевскаго мучить и проклинать, это ясно, но ясно также, что собственная его боль переросла для него вселенную. *Кровавую* свою книгу бросилъ людямъ, словно желая сказать: „вотъ, вы пили мою кровь, вы меня мучили, теперь насталь вашъ чередъ!“

Тяжелую, пьяную, безумную свою книгу бросилъ на растерзаніе псамъ, и когда читають, кажется, что къ больному сердцу прикасаются нечистыми руками своими, невѣжественными.

„...Зачать безъ желанія, а на свѣтъ появился—кричалъ: грудь матери не молоко, а слезы точила...

Кѣмъ посѣянъ? зачѣмъ свѣтъ увидѣлъ? на что выросъ?

Любилъ, душу свою отдавалъ—душу не приняли.

Вѣрилъ безконечно, но вѣру нарушили.

Міръ себѣ сотворить хотѣлъ, а вотъ онъ: буря и вой, и бѣлыя снѣжныя ленты метаній съ неба на землю, на небо съ земли.

...О мирѣ мечталъ. Нѣтъ покоя? да и минуты не выжилъ бы въ этомъ покоѣ...”

Тихо, тихо пьеть душу Дьяволь. Спустился надъ міромъ, лицо свое безобразное опрокинулъ и издѣвается. А тамъ, въ центрѣ всей этой грязно-кровавой каши мирно спитъ старый, заглохшій прудъ и, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ всѣ извивы трагедіи, и тяжело вздувается, и исходитъ черною кровью, и пляшетъ, стонетъ, жалуется, и снится по ночамъ въ тяжелыхъ, горячечныхъ снахъ.

Хотѣлъ бы задушить, уничтожить этотъ прудъ, но онъ только смѣется. И страшно глядѣть: вѣдь тамъ наравнѣ съ горемъ и болью таится и капля радости, капля, вобравшая въ себя весь дѣтскій міръ, всѣ дѣтскія грезы, и молитвы—сѣренькія, жалобныя молитвы въ Андроніевомъ монастырѣ, и чистоту погибшую, и милое лицо старца Глѣба, пришедшаго схоронить здѣсь свою боль, свою тяжкую, незабвенную драму.

Бѣлыя крылья утопаютъ въ грязи, но душа еще рвется, душа проситъ, умоляетъ, молится. Кого то послѣдняго, кого то желаннаго и святого зоветъ душа въ воплѣ своемъ похоронномъ, озябшемъ.

„Приснись... Приснись .. ты мнѣ въ эту долгую ночь...
одинокую“.

Пѣснь пѣсней:

„—Приди ко мнѣ!“

Но не пришла. Въ больномъ поцѣлуѣ случила съ землей, но не пришла.

Но куда же дѣвать эту землю, если своя боль мѣшаетъ жить, и какъ сдѣлать, чтобы не слышно было ея воплей предсмертныхъ, ея гнили зловонной, ея чумнаго дыханья?

Вотъ она! И молится сердце „помилуй, прости... Приди ко мнѣ!“ но напрасно...

Вотъ она: „Будетъ изо-дня въ день—заговорило что то, будетъ ночь и день ускользать земля съ тобой, съ

твоимъ трупомъ по безмѣрнымъ пространствамъ, будутъ матери дѣтей рождать и пойдутъ, разбредутся дѣти по всѣмъ вѣтрамъ.

И тѣ, которые заревоиъ пройдутъ по землѣ, и тѣ, которые туманомъ наполняютъ дали,—они ринутся въ бездонную высь, напойтъ мѣръ своимъ горячимъ сердцемъ. И вотъ одинъ за другимъ покроютъ всю землю до послѣдняго уголка.

Поколѣнне за поколѣннемъ. Кишить, давить другъ друга, а кто-то отъ хохота трясется надъ этой толкотней и глупостью и горемъ, надъ тѣмъ, что проползаетъ въ сердце грѣхомъ, и надъ умомъ и сердцемъ.

А кто-то тяжелой скорбью перевиваетъ свое великое сердце—скорбь съ каждымъ лѣтомъ горше—ждетъ.

И солнце померкнетъ, звѣзды чернѣе ночи выглянутъ съ чернаго неба.

А изъ очей ихъ заструится алый свѣтъ—кровь дѣтей—кровь мучениковъ—кровь всѣхъ, кто одиноко, забившись въ четыре стѣны, имъ, этимъ стѣнамъ, свою скорбь отдаетъ, глухимъ исповѣдается, бьется безотвѣтно, молить безотвѣтно...“

И какъ финалъ трагедіи—выплываетъ изъ темныхъ нѣдръ души молитва къ Царю Небесному, утѣшителю,—и аккордъ ея переплетается среди сильно сгущенной гнили, среди хаоса, среди страннаго запаха цвѣтовъ опьяняющихъ и убійства Николаемъ старика Огорѣлышева.

Бываютъ книги, въ которыхъ выливается вся жизнь писателя, весь его талантъ, вся его творческая способность. Онѣ, какъ губка, вбираютъ въ себя всего его, и остается только слабая тѣнь писателя, размѣнивающегося на мелочи и продающаго за гроши крохи, оставшіяся отъ роскошнаго пиршества.

Въ „Прудѣ“ разверзались прямо волшебныя дали, безграничныя горизонты, смѣлыя дерзанія. Въ „Прудѣ“ былъ

гениальный замысел и талантливая, оригинальная разработка.

Въ то время (въ 1905) шла въ Россіи ломка, революціонное движеніе словно отразилось на искусствѣ, которое выходило изъ старыхъ рамокъ, ломало твердые льды традиціонности, открывало бездны. Первый, кто коснулся реформы прозаическаго стилия, былъ А. Бѣлый. Онъ въ своихъ симфоніяхъ намѣтилъ совершенно новыя рамки технической интерпретаціи, попытка его внести законы музыки въ прозу, можно сказать, увѣнчались успѣхомъ. Но все же это было слишкомъ специально, узко и носило извѣстныя опять таки традиціонныя рамки. Ремизовъ расширилъ планъ этой реформы стилия, онъ внесъ ее въ романъ, далъ ей широкую свободу, и все это было до того живо, до того искренно, что не поражало ходульностью, преднамѣренностью. Читая, отдаешься аккордамъ, сливаешься съ хаосомъ, переживаешь кошмаръ, замѣчаешь причудливые замыслы импрессионизма, а главное—чувствуешь эту безудержно льющуюся, страстную, стихійную волну, что ширится безпредѣльно и распинаетъ душу въ жгучемъ объятіи страданья.

Это было впервые *такъ* написано. Были порваны старыя рамки романа, словно вся душа слилась съ этими словами, словно вся жизнь изошла кровью, словно пожаръ экстаза разорвалъ пути земного и возможнаго и увлекъ въ какое то заколдованное царство чудесъ.

Здѣсь ждешь каждое мгновенье, что вотъ не выдержитъ сердце боли, лопнетъ, зажжетъ огнемъ эти страницы, и онѣ запылаютъ. Здѣсь каждому, помнящему отголоски болѣзненнаго своего бреда становилась понятна адекватность его художественнаго отраженья, и вмѣстѣ съ тѣмъ было понятно, что вся жизнь—мука, вся жизнь—отчаянный бредъ.

И врядъ ли кто послѣ Достоевскаго достигалъ такого яркаго пониманія и отраженія страданья.

Было это написано не механически, а въ дикой оргіи творческаго экстаза, былъ въ этомъ безудержный, обнаженный надрывъ и изступленное отчаянье, былъ звѣриный ужасъ подпольнаго царства и дьявольская насмѣшка надъ жизнью,—вотъ отчего мы цѣнимъ „Прудъ“ и отбрасываемъ все остальное, преслѣдующее цѣли искусства, но игнорирующее задачи того, что выше искусства и выше всего—*страданья и проклятья.*

VI.

Когда захочется вдруг подпольному человѣку выйти на свѣтъ Божій, просто для того, чтобы вздохнуть полной грудью, чтобы хоть на минуту избавиться от кошмарнаго удушья,—тогда начинается для него мука двойная, тогда трагедія превращается въ слѣпой ужасъ.

Можно поставить вопросъ: зачѣмъ же выходить изъ подполья, если тебѣ тамъ хорошо? Но хорошо ли—это еще вопросъ, и потомъ нужно быть очень сильнымъ, чтобы выпить чашу до дна. А герои подполья въ большинствѣ случаевъ бываютъ слабыми, рахитичными, усталыми до извращенности, беспомощными до ребячества. Создается странное настроеніе души, измѣнчивое и обманчивое, и когда гаснутъ послѣднія силы, вдругъ осѣняетъ какая нибудь необычайно парадоксальная, необычайно книжная, необычайно фантастическая мечта, мечта о небесахъ разверзстыхъ, о чудесахъ спасительныхъ, о какомъ то расслабленномъ опьяненіи, обо всемъ „прекрасномъ и высокомъ“! И мечта безумной молитвой отравляетъ расшатавшуюся душу, и дверь подполья медленно таетъ подъ палящими лучами стремленія безудержнаго, пьянаго, безразсуднаго... Но куда? Куда стремится въ своей мечтѣ несчастный мученикъ подполья?—Конечно, къ землѣ, конечно, къ людямъ, ибо возможность исполненія мечты находится, по его мнѣнію, только въ дѣй-

ствительности. Такимъ образомъ, они приходятъ снова къ тому, отъ чего бѣжали, отъ чего создали подполье,—къ жизни. И приходятъ уже иными, безнадежно больными, безнадежно усталыми, превращенными въ истлѣвающій прахъ гнилой муки... Что же можетъ дать имъ жизнь? Только одинъ ужасъ... только одно нечеловѣческое страданье, только одну выворачивающую внутренности тошноту... И мечта—хрупкая, блѣдно-прекрасная, послѣдняя мечта отъ одного прикосновенія жизни обращается въ прахъ, и послѣ всего этого остается въ душѣ одинъ только пепельно-сѣрый, звѣриный страхъ.

Подпольный человѣкъ Достоевскаго выходилъ изъ подполья только лишь для того, чтобы въ глухихъ, темныхъ улицахъ заниматься развратикомъ, маленькимъ, робкимъ, запуганнымъ развратикомъ... „Но кончалась полоса моего развратика, и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошнило. Мало по малу я, однако же, и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, т. е. не то, что привыкалъ, а какъ то добровольно соглашался переносить. Но у меня былъ выходъ все примирявшій, это—спасаться во „все прекрасное и высокое“, конечно, въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголъ, и ужъ повѣрьте, что въ эти мгновенья я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куриного сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели нѣмецкій бобрікъ. Я дѣлался вдругъ героемъ...“

Смѣшно читать эти подчасъ слишкомъ откровенныя изліянія, смѣшно и какъ то жутко: по временамъ вся эта мечтательная дѣтскость какъ будто кажется нарочно для того и сочиненной, чтобы лишній разъ посмѣяться надъ жизнью, да и надъ подпольемъ тоже. „Я, напимѣрь, надъ всѣми торжествую; всѣ, разумѣется, во прахъ и принуждены

добровольно признать всё мои совершенства, а я всёх их прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитым поэтом и камергером; получаю несметные миллионы и тотчас же жертвую их на родъ человеческій, и тутъ же исповѣдываюсь передъ всёмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые, разумѣется, не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много „прекраснаго и высокаго“, чего то манфредовскаго. Всё плачутъ и цѣлуютъ меня (иначе что же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, что на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ. Затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д., и т. д.... будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего бы то ни было, въ вашей, господа, жизни! И къ тому же повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все же происходило на озерѣ Комо. А, впрочемъ, вы правы; дѣйствительно, и пошло, и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно, впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другого подлѣе“.

Подпольная мечта всегда кончается необыкновенно подло, необычайно жестоко. Подпольная мечта со всего размаху стремится къ стѣнѣ, и ударъ въ стѣну вышибаетъ мозгъ и толкаетъ человѣка въ грязь. Да и какъ можетъ быть иначе—вѣдь подполье поняло бездну обмана, вѣдь подпольный человѣкъ знаетъ, что мечта—обманъ, гнуснѣйшій, подлѣйшій

обманъ, и все таки заставляетъ себя вѣрить въ него, заставляетъ насильно, жмуря глаза, дѣлать видъ, что способенъ повѣрить. Ибо тяжелый камень упалъ на душу и давить безпощадно, давить безконечно, безпрестанно, давить и въ утра, залитыя дождемъ, подернутыя туманомъ, и въ дни, когда надтреснутая душа изнемогаетъ отъ свѣта, и по ночамъ, по бессоннымъ, жестокимъ, раскаленно безумнымъ ночамъ, когда подъ удары капель дождя, подъ шумъ надвигающихся призраковъ сплющивается, изнемогаетъ мозгъ!.. И хотя знаешь, ясно и четко знаешь, что ничто въ мѣрѣ не сможетъ помочь, не сможетъ сдвинуть этотъ камень, хотя понимаешь, что спасенія нѣтъ и не можетъ быть и что оно ненужно, но что то инстинктивное, что то очень человѣческое и поэтому очень постыдное направляетъ волю туда, за предѣлы подполья, къ міру, къ жизни, къ замученнымъ, къ страдающимъ, къ позорно несчастнымъ людямъ... И идешь, идешь, изнемогая и страшась, идешь и знаешь, что вмѣсто помощи, вмѣсто любви, даже вмѣсто состраданья понесешь этимъ своимъ ближнимъ лишь свою затаенную драму, превратившуюся въ горсть раскаленныхъ угольевъ, облитыхъ сѣрой слезъ, желчи и тоски. Знаешь, что бросишь все это людямъ въ лица, и почернѣютъ отъ злобы и ненависти лица, и покроются проказой презрѣнія и уничтожающаго проклятья, и бросишься на нихъ, и съ звѣрскимъ наслажденьемъ, съ болью, съ ужасомъ будешь топтать и смѣшивать съ грязью ихъ, можетъ быть единственно за то только, что показали имъ кроваво-черный зѣвъ своей тайны, своего страданья, своей души! Но зачѣмъ же тогда выходить, зачѣмъ увеличивать свой ужасъ больной и сладостный, зачѣмъ пробуждаться отъ сна? „То то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ то чудомъ, какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятель-

ности, благотворной, прекрасной, и главное—*совсѣмъ готовой* (какой именно—я никогда не зналъ, но главное—*совсѣмъ готовой*), и вотъ, я выступаю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ, и вотъ именно потому то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это то меня и сгубило, потому въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному, дескать, человѣку стыдно грязниться, а героемъ слишкомъ высокъ, чтобы совсѣмъ загрязниться, слѣдственно—можно грязниться“.

Однажды, въ ту ночь, когда душу изгадили и уничтожили насмѣшкой люди, выходить изъ подполья герой Достоевскаго, чтобы по обыкновенію—предаться разврату, и вдругъ, въ самомъ чадѣ гнуснѣйшаго скотскаго наслажденія, похожаго на безумное отчаянье, на мольбу, на предсмертный вздохъ, замѣчаетъ передъ собой въ первый разъ живое лицо, все помертвѣвшее отъ боли, все прекрасное и измученное, лицо продажной женщины Лизы. И на грязномъ, липкомъ, черномъ ложѣ, подъ визгъ, музыку, топотъ и ревъ, доносящійся изъ за перегородки, въ истлѣвающемъ сознаніи вдругъ снова воскресаетъ блѣдная и замученная подпольная мечта. Мечта о разрушеніи преградъ, о созданіи утонченнаго, рафинированнаго царства чуда, мечта о воскресеніи! Выплываетъ она какъ послѣдній надрывъ, какъ разбухшій надрывъ экстазной боли, какъ послѣдній, умирающій, вытягивающій изъ души все нервы—аккордъ!.. И касается лица женщины какъ поцѣлуй, поющій всей напряженностью обнаженныхъ чувствъ, и приподымаетъ въ черномъ чадѣ завѣсу иныхъ міровъ, туманныхъ и опьяняющихъ, миражныхъ и нѣжно расслабленныхъ, какъ чудесная мелодія сказки! И была мечта о томъ, чтобы спасти,

вырвать эту болѣзненную женщину изъ объятій грязи и разврата, и въ ея воскресеніи самому спастись, самому ожить, самому стать другимъ, свѣтлымъ и новымъ! И опять, какъ всегда у подпольныхъ людей, мечта стала не похожей на мечту, а на муку, на инквизиціонную пытку, которой наслаждаешься, которой потѣшаешься, которую хочешь принизить другого человѣка, свидѣтеля своей тайны. И онъ терзаетъ душу Лизы разсказами—небылицами, разсказами, полными невозможныхъ ужасовъ, полными нечеловѣческаго страданья, доведеннаго до наивысшей степени обнаженности, словно гипнотизируя, словно желая этими вымышленными разсказами душу ея довести до бѣлаго каленія и потомъ прикоснуться къ ней блаженнымъ поцѣлуемъ лживой ласки и любви! И душа ея пробуждается, тянется къ нему, къ спасительному свѣту, душа, опьяненная, зачарованная красотой изображеннаго имъ страданья,—словно начинаетъ видѣть эту красоту и въ своей судьбѣ,—и вся расцвѣтаетъ какъ увядшій, истоптанный, облитый грязью цвѣтокъ! А онъ, увлеченный всей этой комедіей, разсказываетъ, а въ душѣ тихонько, ехидно посмѣивается и надъ собой, и надъ нею, потому что все время сознаетъ, что лжетъ, низко лжетъ, что вовсе не прекраснаго и высокаго ему хочется, что вовсе не вѣруетъ онъ въ свое спасеніе, а тѣмъ болѣе въ ея, что здѣсь просто представился удобный случай помучить когонибудь, довести до экстаза и потомъ поиздѣваться и истерзать, такъ истерзать, какъ его истерзала липкая и безпроевѣтная тьма! И эту истину, „гадкую истину“ уносить съ собой, уходя, пригласивъ Лизу придти къ нему...

И Лиза приходитъ, приходитъ вся—ожидающая, изумленная и трепещущая, приходитъ словно воскресшая въ подпольѣ *живая жизнь*, словно погребенное и снова возможное солнце! Но страшно глядѣть на нее, страшно и больно глядѣть на проклятый и отвергнутый свѣтъ, отъ котораго

шевелится въ сердцѣ ужась, какъ передъ чѣмъ то чудовищнымъ, безобразнымъ, говорящемъ о мірѣ, поверженномъ въ прахъ, мірѣ ненужномъ, мірѣ отвергнутомъ!

И обливаешь женщину грязью, говоришь ей всю правду, всю подкладку игры открываешь предъ нею,—и гаснетъ свѣтъ и, словно подкошенная, Лиза снова падаетъ съ страшной высоты, на которую вознесъ ее обманъ, въ пучину грязи и тьмы!

„—Спасать? Отъ чего спасать!... Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры надо было, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей,—вотъ чего мнѣ было тогда надо! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что я дрянъ, перепугался и чортъ знаетъ для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, уже тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужъ ненавиждѣлъ тебя, потому что я тогда тебѣ лгалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо знаешь чего: *чтобъ вы провалились, вотъ чего!* Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться, или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить!“

И бьетъ грубыми и дерзкими словами по изумленнымъ, обезумѣвшимъ глазамъ, бьетъ и обрекаетъ на вѣчный позоръ, на вѣчную тьму, на вѣчное подполье, но еще ужаснѣйшее, чѣмъ его собственное, какъ бы въ отмщеніе!

Пусть догадывается читатель, что это такое—пр зрѣніе или любовь? Можетъ быть, для подпольнаго человѣка это то и есть самая настоящая любовь. Онъ самъ признается: *„любить—у меня значило тиранствовать и нравственно превосходствовать“*. Для него вѣдь „оскорбленіе это очищеніе, это самое ѣдкое и больное сознание!“

Онъ останавливаетъ бѣгущую, вырывающуюся изъ его рукъ Лизу, онъ кричитъ „вернись“! въ пустое пространство, полное снѣга и мрака, значить, это была возможность счастья, любовь или обманъ любви... Но вѣдь еще неизвѣстно, что лучше,—обманъ или настоящая любовь, еще неизвѣстно, не есть ли надрывъ, мука, боль—единственныя положительныя стороны любви, за которыя нужно хвататься, которыми должно жить!

Достоевскій послѣ всей этой сцены самъ заявляетъ: „А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужъ отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что лучше—дешевое ли счастье, или возвышенныя страданія? Ну-ка, что лучше?!“.

Итакъ, попытка, отчаянная попытка принятія дѣйствительности потерпѣла позорное крушеніе. Значить, даже любовь, даже самый яркій свѣтъ, даже самая безумная мечта не можетъ уничтожить подполья. Остался только не удовлетворенный голодъ души, только гнетущій налетъ дикой, отчаянной, тяжелой тоски. Все потухло, разсѣялось, передъ нами снова четыре стѣны подполья и снѣгъ—мокрый, тусклый, безнадежно усталый снѣгъ.

Почему? Отчего? Въ слѣдующихъ словахъ Достоевскаго ключъ къ разгадкѣ всей этой сцены: „живая жизнь“ съ непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно!“

„...Мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякій болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подчасъ къ настоящей „живой жизни“ какое то омерзѣніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую „живую жизнь“ чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы

исполнять. Ну, попробуйте, ну, дайте намъ, напримѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку... И мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся обратно.

„...Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже не знаемъ, гдѣ и живое-то живетъ теперь, и что оно такое, какъ называется!“

Эту мысль, это отношеніе подпольнаго человѣка къ дѣйствительности очень удачно выразилъ мало кому извѣстный писатель *Михаилъ Пантоховъ* въ повѣсти своей: „Тишина и Старикъ“. Повѣсть прошла незамѣченной, никто не понялъ ея, а между тѣмъ—она представляетъ весьма интересное явленіе въ современной литературѣ. И вся она—странная, очень странная, вся блѣдно-истерзанная и истомленная до какой-то *вялой измученности*, вся—тихо очарованная смертью. Человѣкъ вышелъ изъ подполья, уже умирающій, и трагичность лица уже въ разложеніи, и тянется къ жизни невольно, изнемогая отъ этого желанія, словно кто то властный требуетъ отъ него этого,—и влачится по сѣро-мокрымъ улицамъ города—весь погруженный въ бредъ умиранія, слабый, расплывающійся, и на устахъ не слова, а какіе то отрывки давно угасшихъ чувствъ и переживаній, и въ глазахъ—полузакрытыхъ, безумныхъ—медленно догораетъ жизнь, и боль—тупая, жестокая боль отъ сознанія, и старается погасить эту боль блѣдно-тающими усилиями, но чей то властный голосъ говоритъ „иди“,—и идетъ. Идетъ, заплетаясь, задыхаясь въ рѣзко очерченныхъ кругахъ бреда, и сгораютъ несчастныя силы, и чуть слышно бьется, замирая, сердце, и тошнота вырываетъ изъ хилаго тѣла внутренности. Тошнота отъ этихъ улицъ, тянущихся знакомымъ кошмаромъ, отъ этихъ зданій, больныхъ неподвижностью, отъ этихъ людей, кукольныхъ до умопомраченья... Тошнота и нѣмой ужасъ передъ страшною властью таинственнаго

Старика, что править всѣмъ міромъ и кружить въ ненужной, горячечной пляскѣ, и строить безчисленное множество курятниковъ, гдѣ мучаются люди, гдѣ тускнѣютъ забытыя жизни и несется ураганъ воплей, и стоновъ, и слезъ, а бархатная тишина собираетъ все это въ себя, поглощаетъ, мать Тишина торжественно и тихо шепчетъ сквозь вихрь всего этого: „Войди въ меня, забудь!..“ Но закружилась голова отъ бессмысленнаго ужаса, и нѣтъ силъ, нѣтъ мочи ничего понять, весь во власти Старика — румянаго, суетливаго, довольнаго, и ненависть вливается ядомъ въ душу, и протягивается рука, чтобы задушить, но ускользаетъ Старикъ, ехидно посмѣиваясь, и только Тишина блѣдно журчитъ, напѣвая... Рѣдко кому удалось такъ хорошо передать весь трагизмъ отъ столкновеній чловѣкъ изъ подполья съ жизнью. Какъ страшно смотрѣть на это. Какъ больно видѣть, какъ отъ гнилого дыханья города чловѣкъ умираетъ, задыхается, корчится, барахтается, извивается... И все это похоже на чью то злую насмѣшку. И надъ всѣмъ отравленный чадъ такой бессмысленности, что некуда дѣваться, негдѣ забыться... Юрий, герой всей этой трагикомедіи, — уже догоралъ въ подпольѣ, уже разсыпался вдребезги его мозгъ, уже черная змѣя душила шею и скальпировала сознаніе — черная змѣя безумія... Но не пришлось похоронить душу свою въ подпольѣ, какія то злыя чары, какая-то невѣдомая сила потянула его обратно въ жизнь, къ людямъ, потянула, не смотря на всѣ его усилія остаться. Сила въ образѣ дѣвушки Жени — прозрачной и усталой, изъ которой выпито уже все, но она живетъ, и тихимъ призракомъ маячитъ въ туманахъ обыденщины и кажется любовью. Но эта любовь не живая, она не зажигаетъ, не даетъ наслажденья, она похожа на что то ноющее, истомленно-печальное, на какіе то звуки — матово-безнадежные, то безумные, то усталые, и вихрь звуковъ прерывистъ, и по временамъ кошмарныя бездны хаоса вы-

пиваютъ сознание, и тогда кажется, что „это не комната, а коробка, затерявшаяся гдѣ то въ глубинѣ огромнаго пустыннаго зала... Вездѣ потухли лампы, и какіе то страшные черные люди проходятъ мимо и стучать сапогами“. И неловко, неуютно Юрію въ этой чуждой для него обстановкѣ, среди жизни. Помнится еще живо свой замуравленный склепъ и свое одиночество, богатое сладостной мукой, и все это въ сравненіи съ тѣмъ, что увидѣлъ, кажется счастьемъ. Здѣсь творятся въ тишинѣ такіе ужасы, что холодѣетъ сердце, и еще ужаснѣе, что все это совершается словно по командѣ, и похоже на какую то очень дѣтскую, очень смѣшную игру, и игру опять таки не по своей волѣ, потому что все это вымученное, искусственное, навязанное. Пантюховъ изображаетъ этотъ ужасъ такъ, какъ никто никогда не изображалъ, у него въ музыкѣ—немного насмѣшливой, немного растерянной, немного расплывчатой,—мелкаютъ искры безумной тоски, и что то надрывается, потомъ застываетъ, потомъ падаетъ, умираетъ, и свертывается въ липкую паутину, и въ этой паутинѣ бьется мысль Юрія, и она безжалостна и липкость ея пламенѣетъ безбрежною болью!

„...Бродя во тѣмъ сосѣдней комнаты, она (Женя) спотыкнулась о выступившее впередъ кресло. Упала и ударилась колѣнкой.—И когда безпокойные люди прибѣжали на шумъ, она отвѣтила, испугано, не оглядываясь, не поднимаясь съ колѣнъ: „здѣсь темно... я упала“.

Потомъ спросила: „что-жъ изъ этого?“—И неожиданно закричалъ тогда ея дѣдъ—главный старикъ—непріятнымъ безжизненнымъ голосомъ: „зажгите огни, зажгите огни вездѣ!“

И въ молчаньи какъ будто эхо изъ всѣхъ комнатъ перекликнулось съ нимъ равномерно умолкающимъ, задумчивымъ хохотомъ „Пхи—ххи... П-хи“.

„Въ отвѣтъ лукаво спросилъ дѣдъ, поднявъ сѣдья, точно приклеенныя брови: „кто это смѣется тамъ?“—Встревоженно сказала ему сухая женщина: „Это люди ходять... шуршатъ ногами“. Радостно закивалъ послѣ этого дѣдъ своимъ недвигающимся лицомъ съ отвисшими вѣками: „Тò то, тò то“.— У старика, отца Жени, попрежнему веселые глаза, и усы имѣютъ такой видъ, точно они зачесаны въ ротъ. Не видно губъ совсѣмъ.—Юрію непріятно смотрѣть на него, и онъ отвернулся.—Дѣдъ помочилъ въ винѣ свои шлепающія губы и потомъ наклонился къ Женѣ и сказалъ: „бѣдная дѣвочка“... Это странно. Почему сказалъ онъ такъ?—И опять помочилъ дѣдъ свои усталыя губы въ красномъ винѣ, а потомъ вытянулъ свою шею, прислушиваясь къ чему то. Потянулъ затѣмъ къ себѣ Женю ея отецъ и, по-дурацки искрививъ мокрый ротъ, сказалъ такимъ же голосомъ, какъ дѣдъ: „бѣдная дѣвочка“...

Мужчина съ толстымъ бритымъ подбородкомъ запѣлъ что то жалобнымъ голосомъ около Юрія, и онъ порывисто оглянулся... Когда кончилъ, ему похлопали, а дѣдъ, одобрительно кивая головой, опредѣлилъ послѣ этого: „У него желудочный голосъ“. Потомъ сложилъ руки на животъ, и медленно стали опускаться его вѣки.“

„...О, какъ тягучи танцы людей. О, посмотри! А теперь они закружились кругами. Это страшный танецъ, который пляшутъ они сейчасъ. Неужели они не понимаютъ, что въ этомъ главный ужасъ!..“

Такъ описываетъ Пантюховъ дѣйствительность. Эта оригинальная символизация обыденщины производитъ странное впечатлѣніе. Здѣсь подпольное міросозерцаніе разрослось до такой степени, что завладѣло и формой, и слогомъ, и языкомъ. Авторъ рассказываетъ какъ бы нехотя, какъ бы подчиняясь кому то требующему, все это написано такъ устало, такъ поражаетъ своей измученностью, своею вялостью и еще

усиливаетъ впечатлѣніе блѣдной, мертвой, безжизненной дѣйствительности. Словно въ послѣднемъ угасающемъ снѣ маячать всѣ эти призраки всѣ эти удушья, всѣ эти тихіе ужасы. Для Юрія ужасенъ каждый предметъ въ этомъ мірѣ, даже мебель ему кажется движущейся и наводитъ панической страхъ. Люди кажутся нарочно заведенными куклами и ихъ деревянное существованіе приноситъ сердцу рѣжущую боль. И ихъ движенія, ихъ смѣхъ, ихъ фразы—все сплетается въ одну и ту же липкую, сѣрую паутину, и она въ тишинѣ раскидываетъ мѣрно свои огромныя, мокрыя лапы и тянутся онѣ къ горлу Юрія, и бѣжать некуда,—отдается отвратительнымъ прикосновеніямъ, чувствуетъ нарастаніе цѣлаго океана липкости и тягучести, и тоски!.. Но уже не способенъ, не можетъ сопротивляться и бороться, да и зачѣмъ, къ чему,—выхода нѣтъ, нѣтъ такого мѣста, такой бездны, такого подвига, гдѣ можно было-бы спрятаться отъ жизни, вотъ мысль, отъ которой и Женя, и Юрій медленно сходятъ съ ума, неуклюже барахтаясь въ липкихъ сѣтяхъ румянаго Старика. Каждый день увеличиваетъ тягучую болѣзнь, болѣзнь, называемую жизнью. И когда потухаетъ сознаніе среди безобразныхъ сгущеній бреда, въ сложности коварныхъ построеній Тишины хорошо помечтать о другомъ, о желанномъ,—и истерзанное лицо озаряется прозрачными лучами больной надежды, и робко вырастаетъ въ бреду безумная дрожь забвенья. „Гдѣ-нибудь въ лѣсу, гдѣ за сотни верстъ нѣтъ ни одного человѣка, только тамъ останутся они—онѣ и Женя. По дорогѣ они сбросятъ съ себя эти смѣшныя одежды, въ которыя, подражая другимъ людямъ, они одѣли свои тѣла. И они снимутъ личины со своихъ лицъ и развѣютъ по вѣтру свои недавнія мысли, рожденныя духотою комнатъ и улицъ... И сдѣлаются тогда снова пурпурными щеки у этой женщины, и станутъ темнозелеными, загадочными и дремучими, какъ лѣсъ, ея громадныя глаза... И они будутъ

громко хохотать отъ радости, и они будутъ биться о землю отъ сладострастья. *Сказочно измѣнится вся жизнь, когда за сотни верстъ не будетъ никого!*“

Какъ жалко выглядить человѣкъ, котораго обманъ вывелъ изъ родного подполья въ страшный шумъ и чадъ жизни! Если бы былъ онъ живой, жизнь бы сразу раздавила его. Но въ немъ уже все умерло, весь онъ расплывается въ мечтахъ своихъ странныхъ во что то прозрачно-мокрое, и оно ноетъ, терзается, неуклюже торчитъ среди тишины, какъ ненужная, скверная ветошь... *И зачѣмъ изводить себя пустыми вопросами, потерявшими цѣну, зачѣмъ ходить (о, какъ страшно, какъ тяжело ходить!), зачѣмъ поворачиваться, зачѣмъ произносить слова, если все это стоитъ такого труда, такой боли и такъ ненужно, такъ смѣшно, такъ постыдно!*

Жизнь Юрія жужжитъ въ Тишинѣ, какъ слабѣющей стонъ. Изъ подполья вывели его злыя чары женщины. Женщина всегда таитъ въ себѣ зародыши жизни, вотъ почему страшно встрѣчаться съ ней. Но она надоѣла ему, какъ надоѣло это вѣчно сѣрое небо, и теперь—тошнота отъ женщины, и хочется, чтобы ея не было, и кажется, что женщина—жизнь. И ненависть его безпредѣльна. И когда развертываются будни,—склизкіе клубки мертвой ткани кружатся, кружатся, бьются, свиваются, запихиваются въ душу и давятъ, и хочется кричать, хочется безумія, но не этой жизни, но не этихъ стѣнъ, не этой ужасной тюрьмы, гдѣ каждый шагъ четко отражаетъ Тишина и отъ этого отраженія тошнить!

И гдѣ спрятаться отъ жизни и отъ женщины? Юрій знаетъ, что даже въ собственной душѣ нельзя спрятаться, потому что она посѣдѣла отъ ужаса и стала дряхлой. Онъ выгоняетъ Женю на улицу и заставляетъ отдаваться первому

встрѣчному, но потомъ — раскаянье, потомъ сѣрая ея болѣзнь, потомъ робкая, нѣжная смерть.

У Пантюхова настроеніе — разслабленно-сѣрое, жутко-унылое, пепельно-грязное. Такъ бываетъ въ осенній день, когда все превратилось въ тоску дождя, и въ ноющемъ чавканьи грязныхъ, усталыхъ калошъ умираетъ душа... У Пантюхова вся жизнь заморожена какой то неизвѣстной тайной, и ядовито ея жало, и послѣдніе соки ненужной жизни слабо сгниваютъ, разсыпаются въ прахъ. Оттого, что увидѣлъ жизнь послѣ ночи, — умираетъ душа и весь міръ погруженъ въ смерть, ибо нѣтъ никого въ мірѣ, кромѣ скучнаго и надоѣвшаго я. Все это — только обманъ, это извѣстно давно, но нѣтъ ни у кого силы превозмочь этотъ обманъ и замѣнить его правдой! Пусть же будетъ милая, тающая, сосущая тоска. И тоска завываетъ въ этихъ строкахъ — пепельно-сѣрыхъ, въ которыхъ ужасъ медленно превращается въ гниль, и тоска подымается отъ земли, отъ людей, отъ лицъ, и хорошо бродитъ безъ цѣли въ вечернемъ туманѣ и вдыхать острый его запахъ, и видѣть желтую боль фонарей, и сладко метать, полузакрывъ глаза и раскачиваясь: „умереть! умереть!..“ О, если бы эти мысль стала утѣшеньемъ! — Тогда бы спасся, но нѣтъ, все вокругъ такъ сѣро, такъ туманно, такъ тоскливо и зябко, что нѣтъ возможности даже въ смерти создать мечту! Изъ сѣрости родился и самъ — сѣрый, сѣрый, безнадежно сѣрый, эта сѣрость убиваетъ послѣднюю искру сознанія, и весь міръ вошелъ въ сѣрость и, разбухнувъ, сталъ безжизненно-сѣрымъ, толстымъ паукомъ, сосущимъ сердце безъ конца, безъ конца... И развѣ можно умереть въ этой сѣрости, сгнивающей въ ядовитой смолѣ Тишины? *Развѣ возможна смерть отъ сознанія того, что сѣрымъ сталъ весь міръ?* Сѣрость тоскливая тянется безконечно, ибо она — жизнь, вотъ — въ чемъ причина безумія!

Но и безуміе бываетъ радостнымъ и въ безуміи возможенъ исходъ. Но Пантюхову это чуждо. У него все кружится

въ вихрѣ тоски и исчезаетъ въ тоскѣ, и возвращается снова изъ нея, чтобы сгнить въ безумно медленномъ темпѣ сѣрости.

Это писатель, можетъ быть, единственный, кому понятна *мертвечина жизни*. Въ немъ все носитъ отпечатокъ этой мертвечины — и слогъ, и языкъ, и лирика настроенія. Онъ словно очарованъ пригрезившимся ему мертвымъ лицомъ міра, и страстно хочетъ, чтобы погасла жизнь, чтобы черная Тишина поглотила тоску!

Въ провалахъ Тишины хитро ходитъ старикъ. О, какъ мучаетъ Юрія этотъ старикъ! Минуты рѣдкаго покоя, когда мозгъ сталкивается со смертью и сладко ноетъ, — даже тогда старикъ не оставляетъ его, даже во снѣ виднѣется свѣтлая щель его двери и слышится торопливое бормотаніе: „работай! работай...“

Старикъ создалъ то, что отвратительно и позорно, — здоровье, трезвость, трудъ, — онъ создалъ муравейники и хрустальные дворцы, онъ строитъ курятники, и ихъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, и онъ заставляетъ Юрія тоже создавать курятники, гдѣ будетъ торжествовать тупость и пошлость, вѣдь въ этомъ вся цѣль, отъ старика не уйдешь.

„Въ корридорѣ ходили люди и стукъ ихъ обуви отчетливо раздавался въ комнатѣ.

— Вотъ видишь—сказалъ старикъ—всѣ ходятъ, хлопчуть, работаютъ.

— Когда то я тоже работалъ и ходилъ по разнымъ корридорамъ... пока окончательно не убѣдился, что всѣ пути ведутъ одинаково въ гробъ—сказалъ Юрій.

И замѣтивъ, что старику это не понравилось, добавилъ: „Всѣ придемъ въ свое время въ деревянный ящикъ. И тѣ, которые сейчасъ такъ бойко перебираютъ ногами въ корридорѣ и воображаютъ, что куда то идутъ,—идутъ только въ ящикъ. Я бы и тебѣ совѣтовалъ прямо безъ дальнихъ

разговоровъ лечь въ гробъ... какъ это дѣлали нѣкоторые пустынноики. Стоитъ ли еще разговаривать!"

Послѣднія страницы повѣсти, когда уже гаснетъ жизнь вмѣстѣ съ трупомъ Жени и гулко развертывается коверъ Тишины,—самыя лучшія.

Тишина, то небытіе, то нѣмое очарованіе, что въ немъ,— вотъ что радуетъ Пантюхова. Онъ видитъ спасеніе и отъ подполья, и отъ жизни въ вѣчности.

И жуткая, страшная эта его Тишина. Поглощая все,— она смѣется, и смѣхъ ея завываетъ въ душѣ яростнымъ воемъ голоднаго звѣря. Она—безпредѣльна, изъ нея родились міры, въ ней они умираютъ, воскресая опять,—вотъ почему она такъ страшна. И отъ нея идетъ музыка, но это музыка паутиныхъ струнъ, замороженныхъ черною пастью паука,—музыка истощающая и мучительно безнадежная.

И вотъ уже бредъ перешелъ въ агонію. Вотъ надъ трупомъ Жени лицо Юрія превратилось въ засохшую маску безумія. Заперты всѣ окна, всѣ двери, и страшная жара, насыщенная вонью разлагающагося трупа,—уже сроднилась съ душой, уже не возбуждаетъ тошноты. Вѣдь все равно—и жизнь, и смерть безсмысленны и нѣтъ ничего, кромѣ тоски, истлѣвающей въ вѣчности!

Можетъ быть, и насъ нѣтъ, а есть какой то очень старый обманъ, который издѣвается надъ нами и сдѣлалъ насъ своими игрушками, можетъ быть ему нужны наша жизнь, наша кровь, наши мученія, наша кровь. Онъ ѣстъ насъ, пьетъ насъ, онъ разрываетъ наши сердца и издѣвается надъ нами, потому только, что ему—пухлomu и румяному старику такъ хочется!

Ему непонятны наши мольбы. И что тогда значать наши тщетныя усилія поборотъ его власть, что значить наша болѣзнь, нашъ бредъ, наше брeнное, вскормленное кровью и слезами существованіе, если никто не услышитъ, никто не

пойметъ, а старикъ вѣдь все равно, что ничто. Онъ—нуль середина, пошлость—то, что вездѣ и всегда торжествуетъ.

О, какъ печальна, какъ страшно замучена наша душа!—Столько вѣковъ мы старались найти объясненіе нашей міровой боли и міровой безсмыслицы, и ничто, ничто никогда не поможетъ разгадать намъ эту тайну, и всегда вмѣсто отвѣта—красное лицо старика, въ которомъ все—добро, все—середина, все—жизнь,—смотритъ нагло и безстыдно въ нашу душевную нѣжность и тихо говоритъ, смѣясь: „только во мнѣ все, и кромѣ меня—лишь одна Тишина!“

„Я не могу больше ѣсть!“ говоритъ Юрій—у хлѣба тѣлесный запахъ. Это все—живое. Когда онъ сѣдился въ кресло, оно скрипнуло, и лицо Юрія скорчилось отъ боли.

— Ты—тоже живое!—сказалъ онъ.—Я и забылъ. И все кругомъ живое. Нельзя жить. Я не хочу жить!..

Въ этихъ словахъ такъ много сказано, такъ много открыто!

Въ нашей жизни всегда есть забвенье—широкость безбрежная, Мать—Тишина. Вотъ она улыбается. Она вся—чистота и блаженство, въ ней нѣтъ того, что мучаетъ въ жизни. Въ ней умираетъ Старикъ.

Нужно узнать забвенье сладкое, пьянящее, чтобы избавиться отъ самаго понятія—жить.

Нужно слиться съ единственнымъ и желаннымъ Спасеньемъ во вселенной, нужно призвать все силы, чтобы задушить Старика.

Ибо много въ насъ еще слишкомъ здороваго, слишкомъ жизненнаго, слишкомъ мѣшающаго.

Ибо знаемъ мы великую и радостную Тайну, предъ которой тускнѣетъ и рассыпается въ прахъ всякая жизнь!

VII.

Корни подполья, созданнаго Достоевскимъ, находятся еще въ его ранней юности. Жизнь приняла Достоевскаго необычайно сурово, жизнь съ первыхъ лѣтъ научила его покоряться всевозможнымъ авторитетамъ и императивамъ, жизнь обрекла его на вѣчную больную тоску, на цѣлый пожаръ этой тоски, и жутко глядѣть, какъ онъ сжигаетъ его душу. Отецъ словами, похожими на удары палки, внушалъ неумоимо ему, что онъ долженъ уважать и любить этотъ гнетъ, эту тоску, эту забитость и пришибленность—все то, что составляетъ жизнь. Отецъ самъ предалъ безжалостно его инквизиторскому року и тугою петлею суроваго деспотизма сдушилъ эту хрупкую и нѣжную душу. Вотъ почему „уже съ дѣтства привыкъ онъ бояться жизни, уже въ дѣтствѣ проявилось въ немъ то недовѣрчивое, подозрительное отношеніе къ себѣ и другимъ, которое совершенно испортило его юность“ (Е. Соловьевъ, біографія Достоевскаго). Вотъ почему такъ судорожно сжалась, такъ мимозно ушла въ себя эта юная жизнь, и тамъ, на днѣ самого себя нашла ту же тоску, ту же страшную боль, то же отчаяннѣе, что и въ жизни. Взрослому человѣку, очутившемуся въ этомъ положеніи, нелегко придется, а что уже говорить о юношѣ, почти ребенкѣ! Только что открылась завѣса жизни и уже—замученный, уже обреченный на жестокость! И поблѣднѣла, померкла, съежилась жизнь, и отчаяннымъ воплемъ врѣзалась въ сѣрое петер-

бургское небо. И еще въ одномъ изъ раннихъ писемъ Достоевскаго мы находимъ слѣдующія знаменательныя строки „жизнь отвратительна. Хорошо лишь то, что далеко отъ нея отъ ея земного счастья, что духовно. Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку—атмосфера души его состоитъ изъ сліянія неба съ землей; какое же противозаконное дитя природы человѣкъ: въ немъ законъ природы нарушенъ!.. Мнѣ кажется, что міръ нашъ чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшною мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное и изъ высокой изящной духовности вышла сатира... Видѣть одну жестокою оболочку, подъ которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно, чтобы разбить ее и слиться съ вѣчностью!.. Ужасно!“ ...

И тамъ, въ своей каморкѣ на мансардѣ, изображенной въ „Подросткѣ“,—замерли первые эти замученные вопли, но еще жила въ немъ слабая надежда на что то свѣтлое, идеально возвышенное, на что то теплое и радостное, что въ своихъ объятыхъ согрѣетъ его охладѣвшую душу и весь міръ превратитъ въ волшебную сказку любви и гармоніи хоть бы на одно мгновеніе! И въ ту памятную ночь, когда къ Достоевскому ворвались Некрасовъ и Григоровичъ и вознесли на алтарь поклоненія его „Бѣдныхъ Людей“, въ эту ночь вспыхнула надежда ярче и чудными лучами счастья озарила его. Тогда казалось, что вотъ слетитъ съ души тяжесть и что то тихое, ясное появится и мигомъ сроднитъ его и съ жизнью и съ людьми. Вѣдь самъ Бѣлинскій, самъ кумирь, самый святой похвалилъ его талантъ, вѣдь писатели, тѣ, что зажигаютъ души огнемъ божественнаго свѣта, писатели стали его друзьями! И Достоевскій весь какъ въ чаду отъ восторга, и въ письмѣ къ брату онъ въ слѣдующихъ словахъ повѣряетъ ему свои золотые идеальныя сны „о, я буду достойнымъ этихъ похвалъ, и какіе люди! Я заслужу,

постараюсь стать такимъ же прекраснымъ, какъ они; пребуду вѣренъ! О, какъ я легкомысленъ, и если бы Бѣлинскій только узналъ, какія во мнѣ есть дрянныя, постыдныя вещи! А всѣ говорятъ, что эти литераторы горды, самолюбивы! Впрочемъ этихъ людей только и въ Россіи, они—одни, *но у нихъ однихъ истина*, а истина, добро, правда всегда побѣждаютъ и торжествуютъ надъ порокомъ и зломъ... Мы побѣдимъ; о, къ нимъ, съ ними!“... Вся надежда Достоевскаго, вся его святня вылились въ этомъ письмѣ! И онъ пошелъ къ этимъ единственнымъ, къ этимъ свѣтлымъ, особеннымъ, таящимъ въ себѣ истину, пошелъ съ чистымъ, вѣрующимъ сердцемъ!..

И можетъ быть не одну ночь пролежалъ въ своей каморкѣ, лихорадочно дрожа и извиваясь и корчась въ радостномъ изступленіи, мечтая робко и восторженно о томъ, какъ онъ пойдетъ къ Бѣлинскому и откроетъ ему всю свою замученную душу, всѣ свои мысли, всю обиду, всю муть и тоску, и скажетъ ему „ты, единственный, ты святой, возьми же меня, приласкай, пойми меня, открой мнѣ свою истину, вѣдь она весь міръ спасетъ для меня, научи меня какъ жить. Пожалѣй!“.

И казалось, что все это возможно, эта гармонія, это откровеніе, это чудо, казалось, что онъ, великій критикъ, пишущій такія возвышенныя вещи—пойметъ его, спасетъ, убьетъ его тоску, его сомнѣнія, замѣнитъ ему всю жизнь, Бога, весь міръ! И, сорвавшись съ кровати, весь воспаленный, весь тоскующій и надѣющійся, онъ бѣжалъ на квартиру къ Бѣлинскому, чтобы крикнуть, чтобы залиться слезами, чтобы узнать, полюбить, спастись, забыться!..

И, какъ всегда, онъ застаетъ Бѣлинскаго—блѣднаго, измученнаго, усталаго, за столомъ, играющаго въ преферансъ съ Панаевымъ и съ Тургеневымъ (!) и ни чуть не расположеннаго къ тому, чтобы приласкать, полюбить, спасти! По его мнѣнію это неприлично и смѣшно, это ни что иное,

какъ нервическая чепуха, это не для жизни, а вотъ въ статьяхъ и въ книгахъ—тамъ можно и полюбить, и приласкать, и спасти—тамъ всякія вольности и красивѣе, и возвышеннѣе, и гораздо выгоднѣе! А для жизни существуетъ только преферансъ и бутылка водки, а что больше того—то смѣшно и неприлично. Для Бѣлинскаго и его друзей, казалось, не было понятно, что они убиваютъ жизнь, которая протягивается къ нимъ съ надеждой и вѣрой, для нихъ не было понятно и показалось бы смѣшнымъ, что возвышенные чувства и идеальныя вещи гораздо нужнѣ здѣсь, въ жизни, нежели на бумагѣ, и что бумагу въ данномъ случаѣ можно и похерить! И они подвергли душу Достоевскаго мучительной, и жесткой пыткѣ и только черная каморка знала и видѣла, что переживалъ онъ въ эти ужасныя минуты своей жизни... И особенно въ этомъ преуспѣвалъ Тургеневъ.

Онъ, какъ всякій идеалистъ, любящій все прекрасное и высокое, и поступалъ подобно всѣмъ идеалистамъ, т. е. на словахъ и на бумагѣ лѣзъ на стѣнку и продѣлывалъ всевозможныя идеалистическія кувырки, что въ жизни не мѣшало нисколько ему быть пошлякомъ зловреднымъ и ничтожнымъ, какъ и подобаеть всякому писателю! Панаева-Головачева въ своихъ воспоминаніяхъ такъ описываетъ одну изъ этихъ сценъ терзанія души Достоевскаго.

...„Разъ Тургеневъ при Достоевскомъ описывалъ свою встрѣчу въ провинціи съ одной личностью, которая вообразила себя гениальнымъ человѣкомъ, и мастерски изобразилъ смѣшную сторону этой личности. Достоевскій былъ блѣденъ, какъ полотно, весь дрожалъ и убѣжалъ, не дослушавъ разсказа Тургенева. Я замѣтила всѣмъ: къ чему такъ изводить Достоевскаго!—но Тургеневъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, увлекъ и другихъ, такъ что никто не придавалъ значенія быстрому уходу Достоевскаго. Тургеневъ сталъ сочинять юмористическіе стихи на Дѣвушкина, героя

„Бѣдныхъ Людей“, будто бы тотъ написалъ благодарственные стихи Достоевскому, что онъ оповѣстилъ всю Россію объ его существованіи, и въ стихахъ повторялось часто „малютка“... Такъ была поругана и осмѣяна эта болѣзненно чуткая душа, предъявившая требованіе къ писателямъ спасти и воскресить!

Можетъ быть кто нибудь другой, не Достоевскій и выдержалъ бы эту пытку, но если вспомнить, во что тогда превратилась его душа, если понять, сколько сложныхъ, невыносимо скрытыхъ струнъ было задѣто, если подумать *какой былъ тогда Достоевскій*, если поставить на его мѣсто подобнаго ему современнаго неврастеника съ душой и нервами, похожими на тающую паутину,—мы убѣдимся, что эта трагедія была выше силъ и что она *должна* была разразиться чѣмъ то ужаснымъ и роковымъ. Послѣ этого Достоевскій ушелъ отъ всѣхъ, погрузился въ себя, къ желанному удивленію его друзей и вотъ, какъ плодъ всей этой муки, какъ зеркало всего, что пережилъ въ это время Достоевскій, явились „Записки изъ Подполья“.

И можетъ ли быть мечь сильнѣе и лучше этой! Вѣдь въ этой книгѣ каждый читаетъ свои проклятыя, свою боль и свое отчаянне, а это значитъ, что оно вполне выражаетъ тогдашнее состояніе души Достоевскаго.

Но развѣ она можетъ искупить обиду? Развѣ вообще есть что либо въ мірѣ, что было бы въ силахъ изгладить и смыть съ души слѣды пытки грязныхъ человѣческихъ рукъ? Развѣ можно забыть обиду, превратившую душу въ ужасъ, вѣру и надежду—въ безысходное отчаянне, любовь и ожиданіе—въ вѣчную скорбь безъ конца! И развѣ можно послѣ всего этого примириться съ жизнью и не уйти изъ нея, и не проклясть ее, и не вырвать ее изъ обалдѣвшаго своего мозга!

Невозможно! Ибо слишкомъ чутокъ, слишкомъ сложенъ, слишкомъ непримиримъ былъ Достоевскій—и вотъ, жестокая

судьба бросила его на растерзаніе подполью! И какова же должна была быть эта мука, если ему пришлось не только переживать подполье, но еще писать о немъ, т. е. испытывать два величайшихъ терзанія, какія только могутъ быть въ мірѣ! Вѣдь писать,—значить, исторгать изъ души окровавленныя, дымящіяся ея внутренности и безчисленное число разъ отражать ихъ въ обезумѣвшемъ мозгу!.. Писать—значить обманывать себя и унижаться, испытывать великій стыдъ передъ кѣмъ то грязнымъ и отвратительнымъ, что стоитъ за тобой и безстыдно созерцаетъ твою наготу, И, наконецъ—писать, значить обезцѣнивать и умалять свое страданье и свою жизнь, пропуская ее сквозь великую ложь, которая называется искусствомъ. Писать не надо, надо или проклинать или молиться—кто что можетъ, ибо послѣдняя ложь возвышеннѣе первой! Достоевскій все таки писалъ, испытывая при этомъ нѣчто такое ужасное, *что* само можетъ возбудить отвращеніе ко всякому творчеству. Вотъ почему его писанія похожи на крикъ больного въ бреду—казалось бы отъ этого могъ бы встряхнуться міръ, но нѣтъ, онъ стоитъ и по нынѣ на томъ же постыдномъ мѣстѣ!

Достоевскій въ „Запискахъ изъ подполья“ создалъ то, что нужно для жизни—великую и широкую почву отрицанія. На ней можно сѣять что угодно и разные взойдутъ всходы—мы это видѣли въ современности, но почва останется неизмѣнной, такой, какъ онъ ее создалъ въ своей тѣсной каторгѣ, отверженный и оплеванный людьми. — Современники пользуются этой почвой для всевозможныхъ цѣлей, одни—для гонорара и славы, другіе—для того, чтобы излить свою желчь, третьи—чтобы забыться.

Современникамъ не хочется знать, что, служа отрицанію и проклятью, они берутъ на себя большую отвѣтственность передъ тѣмъ, кто научилъ ихъ этому и для котораго не было другой мысли, кромѣ той, что только въ хаосѣ и разрушеніи

возможна истинная жизнь, не творчество, не искусство, а жизнь! Современники разрушают и созидают миры на бумагах, получают гонорары и играют в преферанс, но никому из них не вспомнится, как разрушал и как проклинал Достоевский, который до того обезумел в отчаянии, что даже повѣрилъ в Бога!

И никому не станетъ стыдно оттого, что они все разрушают и разрушают, а миръ продолжаетъ стоять на одномъ мѣстѣ и не пошелохнется, какъ будто бы и не слышитъ!

Всякому совѣстно признаться, что ихъ идеи не идутъ дальше бумаги, совѣстно признаться въ томъ, что все ихъ творчество есть пересыпаніе изъ пустого въ порожнее, потому что воздвигнуто и покоится на лжи.

Чернышевскій разрѣшился какъ то великою мудростью въ своей диссертации „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Въ ней онъ доказываетъ, что искусство, если оно не желаетъ остаться на мертвой точкѣ, должно стать жизнью, должно вобрать ее въ себя и, рассыпавшись тысячами огнепалительныхъ искръ, зажечь весь этотъ миръ. Мысль эта представляется мнѣ какъ то особенно вкусной, ее можно разжевывать и раскусывать на тысячу ладовъ и послѣ того, какъ поймешь, что она и туманна, и парадоксальна, и мало обоснована, все же кажется какъ то особенно заманчивой, какъ то особенно пригодной для всевозможныхъ фантастическихъ варіацій! Вѣдь какъ бы занятно было, если бы писатель, желающій мысль Чернышевскаго привести въ исполненіе, вдругъ вышелъ на улицу, подошелъ къ первому встрѣчному и, схвативъ его за горло, сталъ преспокойно душить, единственно по той причинѣ, что онъ проповѣдуетъ отрицаніе и хочетъ соединить искусство съ дѣйствительностью!

Вѣдь и мудро, и послѣдовательно сдѣлано и, даже, благородно, а все таки что то неладно и грозитъ въ лучшемъ случаѣ сумасшедшимъ домомъ!

Достоевскій до того не переносилъ Чернышевскаго, что даже оправдывался публично въ своей якобы невинности, когда его обвинили въ оскорбленіи Чернышевскаго, но все же исполнить на свой ладъ какую нибудь варіацію объ отношеніи искусства къ дѣйствительности — не рѣшался. А жаль, занятно бы было!

Ипполитъ въ „Идіотѣ“ — тотъ было рѣшился, но вызвалъ публичный скандалъ. Онъ умиралъ отъ чахотки и, рѣшивъ покончить съ собой, передъ смертью публично исповѣдывался передъ специально для этого собранной аудиторіей. Въ этой исповѣди онъ такъ страстно, такъ глубоко и прочувствованно сознавался въ своихъ мученіяхъ, и о ночныхъ призракахъ не забылъ, и про Мейерову стѣну, и о томъ, что она неизбѣжна, о томъ, что она высосала изъ него послѣдніе соки жизни.

Онъ Аглаѣ посвятилъ свою исповѣдь, но та, кажется, не особенно была тронута, впрочемъ, онъ этого и ожидалъ, и называлъ свою исповѣдь „Après moi le déluge“. Но скандалъ былъ неожиданный: патроновъ въ револьверѣ не оказалось, и несчастный кающійся грѣшникъ остался живъ.

И если всякая попытка въ этомъ родѣ будетъ подобна этой, то тогда ужъ лучше ничего не писать, ни въ чемъ не исповѣдываться и преспокойно пустить себѣ пулю въ лобъ.

Творцы подполья, къ несчастью, всегда уподобляются автору „Après moi le déluge“. Они уходятъ отъ жизни, они строятъ себѣ свою мрачную пещеру, въ которой готовятся принести себя въ жертву небытію, но потомъ вдругъ появляются улыбающіеся и довольные, получаютъ жирные гонорары, играютъ въ преферансъ, а подполье остается на бумагѣ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что подполье не нужно, напротивъ, можетъ быть оно только одно, изъ всѣхъ попытокъ, найти истину, и заслуживаетъ вниманія.

Жаль только, что въ данномъ случаѣ, страданіе,—т. е. то безумное чувство, послѣ котораго остается только повѣрить въ Бога,—приносится въ жертву искусству! А объ искусствѣ еще О. Уайльдъ гениально выразился, что оно есть самая возвышенная ложь.

Для того же, чтобы страданіе осталось искреннимъ и правдивымъ, для того, чтобы оно могло отмстить за себя и испепелить самую возможность лжи, остается только одно: *передать проклятію всякое искусство!*

1909 г. 5 Ноября,
Кіевъ.